

Оксана Пузыренко

Сердце бунтарки

<https://litres.ru/74650084>

Аннотация

Роберта — импульсивная бунтарка, которая ненавидит влипать в неприятности. Но что делать, если неприятности от нее без ума и никак не хотят отвяжаться, словно прилипчивый поклонник? Данте — "золотой мальчик". Мажор и "принц" академии "Платина", чья жизнь посвящена развлечениям и девушкам. Они — две параллельные, которые не должны были пересечься. Но судьба решила иначе. Теперь их линии не просто пересеклись, а свились в немыслимый клубок из самых ярких эмоций. Роберта и Данте - сводные брат и сестра, и это худшее, что могло с ними произойти. Или лучшее?.. Смотрим буктрейлер! И теги :)

Содержание

Глава 1. Ненависть с первого взгляда.	4
Глава 2. День первый. Битва вторая.	54
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Глава 1. Ненависть с первого взгляда.

Глава 1. Ненависть с первого взгляда.

Данте Дезмонд

Бывают такие виды пробуждений, когда фраза «доброе утро», сказанная с улыбкой во всю возможность ротовой полости, кажется издевательством. И прямо сейчас, если бы передо мной появился тот самый доброжелатель, это была бы последняя улыбка в его жизни. По крайней мере, со старым составом зубов...

-Данте. Данте, проснись! Тебе надо уходить! Да-анте, проснись же, я тебя умоляю... - Навязчивый шепот над ухом просил меня о невозможном. Появилось стойкое желание отмахнуться от «будильника», как от назойливой мухи.

-Плохо умоляешь... Ты даже не на коленях. - Лениво ответил я невидимой девушке, не открывая глаз и поворачиваясь на другой бок, пытаюсь поймать ускользающее сновидение. Мне явно снилось что-то хорошее. Но что?

«Просыпаться» и тем более идти куда-то совсем не хотелось. В висках стучало после бурной ночи, в которой было очень мало сна. Зато много отличного алкоголя и недурного секса. К сожалению, именно в такой последовательности и с такими эпитетами. Со временем алкоголь стал ценнее,

что ли. За хороший бренди в баре клуба я хотя бы отваливал приличную сумму денег. А девчонки липли ко мне бесплатно. Только обычно они не пытаются избавиться от меня с «первыми лучами солнца». Так что, признаюсь, моя подруга на эту ночь меня удивила. Кстати, кто она?

- Не время для твоих шуточек. - Прошипел тот же голос в ответ.

А малышка явно нервничает. Неужели, квартира горит? Или Россия двинулась на нас войной, и президент объявил экстренную эвакуацию? Иных поводов для спешки не вижу.

- Тут ты абсолютно права. - Невнятно промычал я в подушку. - Сейчас не время вообще ни для чего. Я уверен, даже петухи в деревне еще дрыхнут, так чего ты ко мне привязалась?

- Ты срочно должен уйти! Отец приехал! - Девушка, в шепоте которой уже явно прослеживались истеричные нотки, продолжала трясти меня за плечо.

Я понял, что игнорировать ее панику, как минимум, не по-джентльменски, и со стоном разочарования повернулся на спину. С силой потер лицо ладонями, пытаясь прийти в себя. Пару раз моргнул, привыкая к яркому свету, наполнявшему комнату. Странно, но в окно во всю били солнечные лучи (радиус поражения у них, для моего похмельного сознания, был как у светового меча джедаев*). А я думал, что сейчас раннее утро.

- Мой папа - священник. - Делает неожиданное заявление

она.

И это должно меня напугать? Ну, не крестный же отец.

Я смотрю на девушку перед собой внимательным взглядом. Наконец, туман в голове слегка рассеялся, и я вспомнил, в чьей постели оказался на этот раз. Белла Визмонт. Дочь местного «падре». И, конечно, её отец считает, что его дочка - верующая девственница. Видел бы, как мы пускались во все тяжкие всего... Черт, что? Всего четыре часа назад? Издевательство!

-И что он сделает? - Скептически вскидываю бровь я и даже подкидываю варианты: - Утопит меня в святой воде? Забьёт кадиллом? Исповедует до смерти? Или... - Я напускаю на себя крайне напуганный вид: - Не отпустит мне грехи и ворота в рай закроются передо мной, когда наступит судный день?

Я суеверно перекрещиваюсь. Девчонка в отчаянии закусывает губу, не реагируя на мой спектакль должным образом. Публика нынче пошла неблагодарная, скажу я вам...

-Он убьёт тебя! - Вскрикивает она, но тут же переходит на яростный полусшепот: - Если найдёт в моей кровати!

-Убийство - грех. - Нравоучительно замечаю я, воздев к потолку палец. - Как дочь священника, ты должна бы это знать.

Девушка спрыгивает с кровати, и начинает собирать мои вещи. Ох, а здесь здорово обслуживают. Еще бы завтрак в постель... Хлопья. С щедрой порцией виски. Или можно без

хлопьев. Я не привередлив.

Я удобнее располагаюсь на широких пуховых подушках, и, закинув руки за голову, наблюдаю за Беллой. А она действительно хороша. Черные длинные волосы до талии, белоснежная кожа... А какие ножки! На девушке была только бежевая короткая сорочка, и я вполне мог их оценить.

Мысленно даю себе «пять». Даже в невменяемом состоянии мой вкус не дал сбой. А мог бы проснуться и с крокодилицей, ведь вчера мы с Треем и Картером накатались, как черти. Ой, что же я про чертей, да в святом доме...

-Ты собираешься одеваться?! - Вскипает она, кидая в меня найденной на торшере рубашкой и постоянно оглядываясь на дверь.

-Я бы с большим удовольствием раздел тебя и продолжил то, на чем мы остановились ночью... Но раз ты настаиваешь.

-Ты ужасен. - Как можно злее бросает она, но мигом покрасневшие щеки на лице, которое будто никогда не трогал загар, выдают ее лживую скромность с потрохами.

-Да. Наверное, именно поэтому я проснулся в твоей постели, святая дева Мария? - Хмыкаю я в ответ.

Широко зеваю, лениво натягивая рубашку и ища глазами штаны. Девушка замирает у двери и прислушивается.

-И как ты предлагаешь мне выйти? - Интересуюсь я, наконец закончив увлекательный квест «собери все предметы гардероба, раскиданные по комнате».

-Шшш... - Шикает брюнетка, прижимая палец ко рту. За-

тем этот же палец показывает на окно.

Шутит, что ли? Я не забираюсь к девчонкам в окна, и уж точно не стану скакать из них с рассветом, как Ромео. Все эти шекспировские страсти и романтика под балконами - не мое. Предпочитаю парадные двери. Потому что я не рыцарь и не вор-домушник. Но не успел я озвучить свою мысль, как за дверью послышался голос:

-Белла, ты проснулась? Все в порядке? Мне показалось, что я слышал...

Без стука и объявления войны мистер Визмонт распахнул дверь. Это, кстати, нарушение личного пространства. Взгляд высокого мужчины сразу наткнулся на меня:

-Доброе утро, святой отец. - Улыбнулся я, запуская руку в волосы и поправляя их. - Как вы поживаете? Сколько заблудших овечек вывели на путь истинный на этой неделе?

Глаза мужчины раскрывались все шире и шире, синхронно с тем, как разъезжался рот. Прежде чем нижняя челюсть стукнулась об пол, он непонимающе помахал головой, будто отводя наваждение в моем лице. Может, следовало вновь осенить себя крестом? Вдруг сработает. Или круг из соли будет более действенной защитой? Как жаль, я не смотрел «Сверхъестественное» с Хайди. Наверняка там была дельная мысль на этот счет.

-Что тут?.. - Начинает он, но я не даю продолжить мысль.

-Конечно, вы задаетесь вопросом: что я тут делаю? Ничего, что заслужило бы вашего порицания. Более того, я опре-

деленно помог вам и изгнал из этого места парочку демонов...

-Белла! - Гремит он, начиная примерять на себя все оттенки красного. Когда его лицо становится ярко-бордовым, я даже слегка переживаю.

-Папа, Данте шутит! Мы занимались... - Сексом, мысленно хмыкаю я. - Допоздна. А затем просто уснули.

-Да, сэр. - Поддерживаю я, пару раз кивнув, с самым серьезным видом. - Хочу отметить, что ваша дочь - образец целомудрия. Знали бы вы, сколько раз за ночь она взывала к господу! Во сне, разумеется...

Тут я даже не лгу.

-Просто уснули?! - Игнорирует меня мужчина, вновь обращаясь к Белле. - Думаешь, я не знаю, кто такой этот Данте? - Кричит священник, щедро орошая слюной пространство вокруг себя и несколько раз тыкая в меня пальцем для верности.

Можно подумать, его дочь страдает потерей памяти и нуждается в напоминании, о ком мы тут беседуем. К сожалению, или счастью, но после этой ночи она уж точно меня не забудет. Правда, эту мысль я озвучивать не стал. Все же не хочется действительно пасть от рук священнослужителя. Это как-то не по-христиански. Мама будет недовольна.

-О, а вот это уже интересно. Можно подробнее? Про меня пишут в библии? Или толпы молоденьких грешниц считают мою скромную персону своим самым тайным грехом? - Ис-

крenne интересуюсь я таким поворотом событий.

Нет, конечно, я тоже знал Визмонта. Не лично, но пару раз пересекался.

-Как ты посмел прийти в мой дом? - Рычит на меня посланник Бога на земле.

-В этом есть и ваша вина. - Укорил я мужчину, невинно улыбаясь и подмигивая Белле, на чьем прекрасном личике отражались все оттенки отчаяния. - Вы так часто называли меня "сын мой", что я думал - сие намёк на место зятя.

-Ты - несносный мальчишка! Как тебя только...

Я не стал слушать, что именно со мной не так:

-Как меня... Что? Носит земля? Терпит мать? Не убили еще в детстве, когда это было просто? Поверьте, сэр, я сам задаюсь этим вопросом. - Приложил я руку к груди, с самым искренним выражением лица.

-Вон! - Орет он не своим голосом, как будто нежить из церкви выгоняет. - Что бы я тебя больше не видел!

-Не видели меня? То есть, мне официально закрыт доступ к церкви, и дорожка в небесные угодья? Это самоуправство! Я буду жаловаться вашему боссу! - Я, в неподдельном негодовании за такое вопиющее использование власти, показал пальцем куда-то вверх. Ведь именно там, предположительно, обитает начальник всех религиозных деятелей, нет?

-Я сказал: вон отсюда! - Как заезженная пластинка крикнул священник. И, честное слово, в выражении его лица не было ничего святого.

Что сказать. Я разочарован в церкви. Ему же следовало подставить вторую щеку, разве не так? Интересно, у него ещё дочери есть на этот случай?

Я не озвучиваю свои мысли, все же примерять погребальный смокинг желания нет. Вместо этого делаю самое удрученное лицо, и, проходя мимо мужчины, близкого к нарушению той самой заповеди «не убий», прискорбным тоном добавляю:

-«Будьте друг ко другу добры, сострадательны, прощайте друг друга, как и Бог во Христе простил вас»*.

И пока падре отходит от внезапного откровения, я весело подмигиваю Белле и удаляюсь, доставая из кармана ключи от тачки и пачку сигарет.

-Серьезно? - Трей не мог прекратить смеяться, после рассказа о моем утре. - И откуда ты взял эту твою... Про прощение?

-Не поверишь, из компьютерной игры. - Я в который раз зеваю, кажется, челюсть скоро хрустнет от такого напора.

Сонливость прогнать все еще не удастся, даже не смотря на то, что мы заехали в какую-то элитную забегаловку и разлились отвратительным кофе. За сумму, которую я отвалил за два стакана с горькой жижей, она должна была меня поднять на ноги после первого глотка, но чуда не произошло.

- Помнишь, про крестовый поход? Ну, года два назад иг-

рали за рыцарей-крестоносцев. - Продолжил я, справившись с зевотой. - Всплыло как-то само собой... А еще говорят, что игры пагубно влияют. Мне вот, возможно, жизнь спасли.

-Боже, я хотел бы это видеть. - Продолжил угарать Трей.

-Не произноси имя Господа Бога твоего всуе. - Возмутился я, нацепив на лицо самое серьезное выражение.

-Ты попадешь в ад, Данте. - Покачал головой Трей, листая свой смартфон.

-Я всегда это знал. Точнее, с тех самых пор, как понял, что мама, в порыве какого-то тяжелого бреда, назвала меня, как героя «Божественной комедии»*. И раз такой конец неизбежен, то пусть меня там встретят, как своего.

Выйдя из дома священника, я сразу набрал друга и не зря. Он оказался на другом конце города и вряд ли добрался бы без моей помощи.

Все ещё посмеиваясь, я бросил взгляд в боковое зеркало и начал перестраиваться.

-Данте, осторожно! - Крикнул Трей.

Но я уже и сам видел, как буквально из воздуха сбоку нарисовался мотоцикл, подрезая меня и заставляя резко выкрутить руль, возвращаясь на свою полосу. Сзади раздался нервный и протяжный звук сигнала. Кто-то за моей спиной не очень рад таким манёврам. И я полностью его поддерживаю.

-Твою мать, откуда он выскочил?! - Рывкнул я, прожигая взглядом уже спину мотоциклиста.

Он же спокойно продолжал свой путь и, судя по стремительности удаления от нас - не хило превышал скорость. Ненавижу байкеров. Они для меня - тряпка для быка. Огромное красное полотнище. И прямо сейчас такое замаячило перед глазами. Грех не поддаться искушению.

Я поддал газу.

-Ты куда разогнался? На хрен его. - Попытался вразумить меня друг, моментально уловив мой настрой. - Не будешь же ты его давить, в самом деле...

-Ты уверен? - Бросил я, добавляя оборотов. И не только под капот. Моя утренняя злость нашла за что зацепиться и утроилась.

-Данте, брось это.- Взывал к моему голосу разума друг. - Не хватало еще из-за него влететь в кювет или в тюрьму загреметь.

-Тюрьму, говоришь? - Фыркнул я. - Отличная идея. Мне как раз нужна уважительная причина не появляться дома на встрече с новенькими родственниками.

Мысль о сегодняшнем ужине только подхлестнула меня, добавляя масла в огонь моего раздражения на весь мир. Разум «сделал ручкой» и отчалил в неизвестном направлении, на горе Трея.

Не успел я нагнать гонщика-идиота, как его остановил красный сигнал светофора. Жаль, не дорожная полиция. Я затормозил параллельно с его развалиной.

-Слышь, убогий! Паркуйся! - Рывкнул я, кивком указывая

на обочину.

Мотоциклист даже не повернулся ко мне, лишь выкинул в бок руку в кожаной перчатке, демонстрируя средний палец. О, язык жестов. Он, как херов «Рафаэлло», вместо тысячи слов. Отлично, я тоже таким языком владею.

-Вот же чертов... - Прощедил я сквозь зубы, отстегивая ремень безопасности. Плевать, что мы стоим в общем потоке. Убью гада.

Но не успел я даже ручку двери тронуть, как он вдарил по газам и понёсся вперёд, оставляя за собой облако пыли.

Ну, все. Доигрался. Я с такой силой утопил педаль газа, что родстеру пришлось на деле показать, как он умеет разгоняться от нуля до сотни за три секунды.

-Ты долго будешь эти гонки продолжать? - Уныло поинтересовался Трей, демонстративно проверяя ремень безопасности.

-Пока не научу эту мелкую сошку правилам хорошего тона. - На такой скорости ветер нещадно трепал волосы и мешал говорить, заставляя нас буквально орать.

Как же хорошо иметь дорогую тачку. И не только потому, что тёлочки охотнее отдаются на заднем сидении новенькой Ламборгини, но и потому, что она в состоянии нагнать этого, стоит признать, шустрого идиота.

Не прошло и минуты, как я оказался так близко, что мог рассмотреть оранжево-красные языки пламени на его мотошлеме. Гонщик всем телом пригнулся к байку, и выглядел

каким-то мелким на фоне габаритной махины.

Далее все произошло в считанные мгновения, спонсором которых стал захлестнувший меня адреналин. Я обгоняю его и резко бросаю машину влево. Шины визжат. Визжит и Трей. Точнее, друг орет что-то виртуозное и совсем не печатное. Кажется, меня проклинали. И кто? Лучший друг! И единственный.

Мотоциклист экстренно выруливает на обочину и останавливается. На этот раз он резко поворачивается ко мне, раздраженно вскидывая визор. Так бы сразу.

Мимо проносятся машины, чьи водители поочередно смотрят на нас. Я выпрыгиваю из салона и иду в сторону байка. Но его наездник, к удивлению, не то что шлем не снимает, даже слазить не собирается.

-Твоя задница что, приросла к этому корыту?! - Рычу я.

В ответ мне он опускает «забрало» на место и выжимает газ... Серьезно? Я оцениваю положение в секунду: мотоцикл зажат моей тачкой, а с другой стороны я, и отходить не собираюсь. Так что, если он не херов каскадёр и не умеет летать по капотам, то ему не выбраться.

Парень ещё раз демонстративно и пафосно выжимает ручку, заставляя грудку железа под собой угрожающе рычать. Ну-ну. Я тоже лаять умею, щенок.

Сзади хлопнула дверь моей тачки. Трей решил поучаствовать в спектакле или понаблюдать из первого ряда:

-Эй, Данте, забей. Ну его, псих какой-то, так гонять.

Я, игнорируя его, раскинул руки перед байкером:

-И что сделаешь? Задавишь меня? Валяй!

В ответ на мои слова, гонщик отъехал назад, насколько позволяет пространство, а затем резко ринулся вперёд.

Он смотрел точно на меня. И двигался на меня.

Я стиснул челюсти. Не от страха. От злости. Что этот урод о себе возомнил?!

-Данте! Хорош! - Вновь окликнул меня Трея, на этот раз голос звучал не на шутку встревоженно.

Я же смотрел прямо в чёрный визор.

Секунды раздробились на мгновения, за которые с чудовищной быстротой между нами сокращалось расстояние. И чем ближе был байк, тем сильнее я понимал - не отойду.

-Данте! - Голос Трея, нервный и отчаянный, а затем его руки хватают меня за куртку и дергают на себя.

В это же мгновение мимо нас пролетает байк.

-Вот же чертов псих! - Зло бросает мой друг, и я не уверен про кого он: меня или водителя. Который третий раз даёт мне лицезреть свою спину. Сука.

Отталкиваю Трея от себя:

-Ты на хрена это сделал?

-Спас тебе жизнь? - Фыркает тот. - Сам не знаю. В следующий раз, когда ты решишь помериться яйцами с каким-нибудь идиотом, я даже не почешусь.

-Будь добр. - Рывкнул я, возвращаясь за руль, со всей дури пиная банку от газировки, валяющуюся под ногами. Лучше

бы это была башка того полудурка.

Черт. И понимаю же, что зря злюсь на друга. Но ничего поделать не могу. Внутри все кипит и бурлит, вырываясь наружу. Как кипяток, обрызгивающий всех вокруг.

-Если этот гад мне попадётся... - Вслух произношу я, не в силах закончить многообещающем предложение. Просто фантазия не позволяет придумать что-то настолько изощренное.

-Да чего ты вообще взъелся на него? Ну, подрезал, с кем не бывает...

Я покосился на брюнета с вьющимися волосами. Поставив локоть на ручку, и подперев щеку кулаком, он смотрел в сторону, на мелькающие мимо витрины. Чего это он сегодня настолько миролюбивый? Я думал, отвращение ко всему двухколесному - наша общая черта.

-Не знаю. Просто бесит. Настроение и без того паршивое, а тут ещё...

-Так и скажи, что отыгаться не на ком. - Трей повернулся ко мне, окидывая пронизательным взглядом.

Как сканирует, честное слово! Не зря мой друг хочет стать хирургом. Того и гляди, как порядочный врач, выдаст мне на руки результаты рентгена и, цокая языком вкуче с показыванием головы, поставит неутешительный диагноз.

-Если просвечиваешь меня своими рентгеновскими лучами, заодно сделай флюорографию. - Вяло попросил я.

- Что, настолько рад появлению братика в своей жизни?

- Проигнорировав мой выпад, спросил друг, а ехидство так и сочится в его тоне.

Не в бровь, а в глаз. Меня даже передернуло, что я попытался скрыть. Не особо успешно.

-А что, не видно? - Состроил я лицо в духе «да лучше бы я сдох». - Я в восторге. Расстраивает только, что не успел выстелить красную дорожку к его прибытию и позвать торжественный оркестр. Придётся обойтись салютом.

-И когда, напомни, в вашей семье пополнение?

Я проглотил слово «семья», хотя лучше бы проглотил ядовитую змею:

-Они хотели "осчастливить нас" своим визитом на День Благодарения, но что-то прошло не так. Я конечно спросил у матери, почему они, как вся уважающая себя нечисть, не пригнали в штаты в ночь на Хэллоуин. Но она вопроса почему-то не оценила и внятного ответа не дала.

-Пф. Ну, не может быть все так плохо.

Я пожал плечами, показывая, насколько мне безразлично происходящее:

-Да плевать. Я обещал матери сыграть роль хорошего сына перед её женишком и его отпрыском. Я сыграю. А дальше пусть сама разгребает это дерьмо. В конце концов, «игры в няньку» в условиях договора не было. Так что это один вечер. Возможно, уикенд. А дальше нам не обязательно пересекаться. - Я говорил и понимал, что сам себя пытаюсь убедить в собственных словах. Успокоить.

Но Трей мне подыгрывать не желал. Он, как порядочный лучший друг, жаждал давить на больное:

-А как зовут новых родственников?

-Не помню. - Соврал я. Этими именами мать прожужжала мне все уши. «Марк и Бобби». «Бобби и Марк». «Ма-а-а-рк и Бо-о-обби» - Вроде Марк и его сын Роберт.

-Но они же русские? - Удивился Трей. - Почему не... Иван и...

На этом он поморщился, и подобрать подходящего русского имени в дуэт к Ивану не смог. Ну, что с него взять? Напоминаю, это будущий врач, не филолог.

Я вновь передернул плечами (за эту неделю я стал использовать это движение так часто, что либо вывихну плечо, либо меня сдадут в психушку с нервным тиком). Вписываясь в поворот более резко, чем следовало на обычной трассе, а не гоночной, я все же ответил:

-Вроде у него мать русская. И жили они на обе страны. Надеюсь лишь, что варварские привычки они оставили за границей.

-«Русские» - это не диагноз. - Попытался вразумить меня Трей.

-Я бы согласился с тобой в любой другой момент, если бы двое таких не пытались набиться в наш семейный реестр.

По радио передавали какую-то знакомую песню. Слов я не знал, но определенно слышал ее несколько раз. В клубе, баре или также в автомобиле. На самом деле, мне было пле-

вать, что там поют, но я подкрутил динамик. Сделав музыку громче, даже стал покачивать головой в такт, лишь бы не в меру общительный этим утром Трей отвалил от меня с расспросами. На очередном светофоре мы поравнялись с аккуратной белой машинкой, за рулем которой сидела девушка. Я вдавил педаль газа, заставив мотор призывно заурчать. Когда она обратила внимание, чуть приспустил очки, чтобы подмигнуть. Девчонка зарделась и расцвела улыбкой.

-И в какой храм науки пойдёт Роберт? - После недолгого молчания, вновь завел свою песню друг, перебивая солиста на очередном куплете.

Он не даст мне отдохнуть, да? И на кой черт я, такой заботливый, забрал его задницу?

Я сильнее сжал руль. Обмениваться улыбками с соседкой по движению расхотелось:

-В нашу академию.

-Мм... А какой курс?

-Слушай, ты чего докопался?! - Вновь начал выходить из себя я. - Других тем для разговора нет?

Трей остался спокоен, как китайский божок. Он был равнодушен к моим вспышкам гнева, единственный в моем окружении. Статус близкого друга обычно давал ему возможность ходить по тонкому льду моего терпения, но всему же есть предел.

- Не заводишь. - Откровенно скучающе остудил мой пыл брюнет, подкрепив свое равнодушие широким зевком. - И

вообще, с тобой в последнее время невозможно находиться рядом. Я не видел тебя таким нервным с момента...

Быстрый взгляд в мою сторону, и я как будто почувствовал, как показное равнодушие и сонливость сняло с парня рукой. Похоже, я догадываюсь, о каком «моменте» из нашего прошлого он вспомнил. Трей стушевался, продолжив:

- В общем, давно.

Я немного расслабился. Точнее, сделал попытку. И решил вернуться к менее запретной теме, раз уж другу так интересно:

- Откуда я знаю что-то про этого пацана? Правда думаешь, что я слушал, о чем там рассказывала мама? Я знаю только, что «бедный мальчик воспитывался отцом, не знает материнской любви и ласки». - Спародировал я голос женщины, давшей мне жизнь и кредитную карту. Вот и все. Ни о какой «ласке», такой необходимой «бедным мальчикам» речи не было.

Я вообще не уверен, что она на это способна. Так что чем она там собирается делиться с моим потенциальным братом - ума не приложу. Да и не мое дело. Главное, чтобы в порыве материнских чувств она не начала готовить. Иначе, после первого завтрака, полягут все.

- Это ты зря. Врага надо изучать досконально. Тем более того, который будет жить с тобой под одной крышей. Хоть что-то ты о нем знаешь?

Я честно напряг память, пытаюсь выудить из неё крупички

информации:

-Знаю, что его папашка - владелец игорного бизнеса. Казино свои раскидал чуть ли не по всему миру. - Нехотя ответил я, а Трей присвистнул. - И что они постоянно шляются по скалам, походам, рыбалкам... Кто вообще в здравом уме так отдыхает?

-На самом деле, многие люди. Не всем для отдыха необходим бар и все блага цивилизации.

-Спасибо за поддержку. В общем, они заядлые путешественники, и отец в сыне души не чает. Все.

На самом деле мать поведала мне еще один факт, единственный, который я посчитал любопытным. У этого мелко-го парниши были то ли проблемы с законом, то ли просто дерьмовый характер. Но вроде они остались в прошлом, канув в лету вместе с переходным возрастом. По крайней мере этот Ма-а-арк пытался ее в этом убедить. Но мать выглядела напряженной. Интересно, что он сотворил? Этот отпрыск? Обокрал продуктовый, вынеся пару пачек чипсов? Или баловался с травкой, а папаша забил тревогу, приписав его к наркоманам? Хотя нет. Плевать.

-Не густо. - Вынес оценку моим познаниям друг.

-Да оно мне надо? Может еще генеалогическое древо нарисовать? И вообще, приехали. Давай, выметайся из моей машины. - Я припарковался у небольшого дома, принадлежавшего семье Трея.

-Не хочешь зайти? Позавтракаем. - Поинтересовался

друг, забирая из под сидения рюкзак. - Ну, или пообедаем.

Я отрицательно покачал головой:

-В другой раз. Мне ещё «братишку» встречать. - Я кинул взгляд на приборную панель, оценивая время и сразу перевел его на смартфон. Четыре пропущенных от матери. Мда.

В тайне я радовался, что моя очередная отмазка не при-
тянута за уши. По правде, я просто не хотел обедать с семьёй
Трея. Потому что после каждого такого мероприятия на ду-
ше не то что кошки, а львиный прайд скрести начинал. Это
вроде как вернуться из Диснейленда в серую реальность, где
вместо американских горок исписанный матом лифт. Не то
чтобы в стареньком домике на краю местного саутсайда мож-
но было встретить Микки Мауса, но зато там было... Уютно.
А я ненавидел ощущение комфорта и спокойствия, которые
царили за столом Бенсонов. До одури, до чесотки и физиче-
ского зуда под кожей. Наверное, у меня особый вид аллергии
на семейные ужины.

И когда Трей и двое его братьев начинают перекидывать с
тарелки на тарелку брокколи, пока миссис Бенсон пытается
добавить к моей, и без того огромной порции «еще хотя бы
чуть-чуть, Данте, ты такой худенький!», я готов выть от ужа-
са. При этом я любил ее, и Трея, и Пита с Джастином... Про-
сто я не любил возвращаться в пустой и огромный дом. Если
бы вы очень любили шоколад, но знали, что после каждой
съеденной плитки вас ждут сутки реанимации, вы бы часто
его ели? То-то же.

-Окей. - Легко согласился Трей, не подозревая о моих мрачных мыслях.

Он безбожно хлопает дверцей моей малышки, игнорируя то, как я поморщился. Как ножом по сердцу. Трей закинул рюкзак на плечо и добавил:

- Но ма уже жалуется, что ты ее совсем забыл. Как и ма-лявки. Так что заходи как-нибудь.

-Обязательно. - Кивнул я, не смотря на друга и делая вид, что регулирую зеркало заднего вида. - Передавай привет миссис Бенсон. И младшим засранцам тоже.

-Заметано. И давай, держись там. - Трей мнется, не зная, что добавить. Понимает, что вся эта тема «моя новая семья» задевает меня больше, чем я хочу показать. - Напиши вечером, как пройдет.

Я вновь кивнул и отъехал от дома друга.

Спустя час, когда я подъезжал к дому, небо заволокло грозowymi тучами. Темными, как мои мысли. Кажется, я умею повелевать погодой. Или же она подвластна моему настроению. Интересно, такой навык стоит писать в резюме при устройстве на работу? Или это интересно лишь санитарам и психиатрам?

В любом случае, едва я завел тачку в гараж и сам зашел в дом, грянул мощный раскат грома. Сразу за ним, как спринтер после сигнального выстрела, хлынул ливень.

Я, как ниндзя, пробрался в свою комнату. Закрыв дверь, сразу грохнулся на кровать, утонув в горе серых подушек.

Кайф. И, как все приятное, это блаженство длилось недолго.

Едва я задремал, как раздался стук. Не имея понятия, прошла минута, или пара часов, я глухо завыл.

-Входи Мартин. - Произнес я так громко, насколько мне позволяла подушка, реагируя на стук в дверь.

Как и ожидалось, в комнату зашел дворецкий, сорокалетний Мартин, только он мог так бесшумно передвигаться по дому.

-Мисс Дезмонд просит Вас спуститься.

Я не смог сдержать вздоха разочарования. И как она только учуяла мое присутствие? Наверное, это то самое, воспетое в книгах материнское чутье. Позволяет спасать детей из беды и узнавать, что сын мучается похмельем на втором этаже. Хотя, будем откровенны, откуда моей матери знаком такой инстинкт? Этому же не учат в бизнес-школе.

-Скажи ей, что я в душе. Минут через десять спущусь.

Дверь за Мартином тихо затворилась, а я, еще раз вздохнув, с трудом поднял себя с кровати.

В ванной я попытался взять себя в руки. Но все равно в голове навязчиво вертелись не самые радужные мысли. Я прекрасно понимал, чего мать от меня хочет. Даже будь я невероятно тупым, что не так, ежедневное повторение одного и того же вбило эту мантру в мою голову. И звучала она как-то так: «Марк - это тебе не Джозеф (Патрик, Грег, Уинстон...). С ним у меня все серьезно! Поэтому я умоляю тебя вести себя с ними достойно». Потом мать затягивалась сигаретой

и долго смотрела на меня.

Когда я спустился вниз, на ходу застегивая свежую рубашку, застал маму в явном напряжении. Она ходила по гостиной: от окна к камину и обратно. Камин разбавлял полумрак в комнате имитацией огня. Пламя было таким же фальшивым, как и все в этом доме.

Увидев меня, мать замерла, не дойдя шага до окна, но кинув туда выразительный взгляд. Очевидно, все в ней так и подмывало в очередной раз выглянуть на дорогу. Я тоже посмотрел за стекло. Дождь щедро поливал землю и всех, кому не посчастливилось на этой земле оказаться.

-Ты хотела меня видеть?

-Марк сегодня не придет. Но Роберт скоро будет здесь. - Доводит до моего сведения мама.

-Спасибо за столь ценную информацию. И как бы я без нее жил? - Не пытаюсь скрыть сарказма я.

Мама поджигает губы:

-Данте, ты обещал...

Я вскидываю руки ладонями вверх:

-Помню-помню. Я буду хорошим сыночком. Когда наши, долгожда-а-анные гости соизволят прибыть сюда. Но пока их нет. Так для кого театр?

Она смотрит на меня какое-то время привычным, печальным взглядом. Затем грустно вздыхает и отворачивается:

-Посиди здесь. Роберт придет с минуты на минуту, и мне хочется, чтобы ты его встретил. Вы ровесники и быстрее най-

дете общий язык.

-С этим Маугли? - Вновь не могу сдержаться я. - Очень сомневаюсь.

Хотя находиться с матерью тет-а-тет в таком узком пространстве - идея из ряда вон, я не спору. Сажусь поперек кожаного кресла, попутно схватив со стола какой-то журнал. Открыв его посередине, отгораживаюсь от матери. Поняв мой настрой, она не пытается увлечь меня очередным бессмысленным разговором.

Я бездумно листаю страницы журнала, невидящим взглядом скользя по строчкам каких-то статей и фотоснимкам. Мать же уже раз сто подошла к окну. Сначала она пыталась делать это незаметно: то проверит цветок на подоконнике, то поправит штору, то пройдёт пальцем по идеально чистому подоконнику... Когда предлоги исчерпали себя, она просто встала перед ним и, обняв себя тонкими руками, стала смотреть сквозь стену воды на главные ворота.

-А вдруг у него нет зонта? - Вслух спросила она обеспокоенным тоном.

-Тогда он намокнет. - Заметил я, не отрываясь от журнала и вновь перелистывая страницу. Что я хотя бы читаю? О, реклама средства для потенции? Здорово. Просто здорово.

Тут мать резко поворачивается на все 180 градусов и смотрит на меня:

-Я тебя очень, слышишь? Очень прошу! Веди себя с этим мальчиком вежливо! Мы теперь почти одна семья! И Марк

в нем просто души не чает! Не помню, что он рассказывал, что-то про совместные походы, рыбалки, скалолазания и прочие глупости... - В руках в Бриджет появилась тонкая дамская сигарета. Она закурила сигарету, и через пару мгновений на меня пахнуло вишней. - Тебе надо быть дружелюбнее.

- Специально для этого случая я тренировал перед зеркалом пару-тройку благожелательных улыбок. Хочешь посмотреть? - Я растягиваю рот в счастливом оскале питбуля.

Мама молча отвернулась к окну. Лицезреть мои театральные навыки не желала. А жаль. Я старался.

Я окинул взглядом ее силуэт, замерший у окна. Высокая, как и я. Худая. Идеальные волосы, цвета льна, собраны в аккуратный пучок. Нос и подбородок узкие, и, возможно, немного длиннее, чем надо, но это странным образом придает ей шарма. Не даром модельные агенты боролись за нее. Но она больше любила свою роль именитого модельера. Ах да, еще «ответственной мамочки». Не даром во всех журналах мы появлялись с ней вместе, сияя отработанными улыбками. Как все-таки просто пустить пыль в глаза всему миру. Достаточно дать парочку интервью.

Сейчас она явно была напряжена. Движения нервные, курит какими-то рывками. Глаза чуть сощурены и смотрят в наступающую темноту за окном. В такие моменты я всегда называл ее Бриджет. Конечно про себя, иначе обидится. С детства этот образ: женщина с сигаретой и серьезным при-

шуром, торопящаяся на какие-то сверхважные дела. Вечно взволнована. Ее волновала мода, тенденции, фотосъемки. Как закупить лучшие ткани. Как заграбастать важных персон на свои показы. Ее волновала погода, в конце концов. Только одно не трогало ее занятое сердце: сын. И вот сейчас она едва ли не кусает свои идеальные ногти в попытках унять тревогу за опоздания чьего-то отпрыска. Того, кого она даже ни разу не видела.

Я не понял, когда стал сжимать журнал с такой силой, что страницы измялись и намокли под горячими ладонями. Стряхнув с себя пелену находящего раздражения и чуть ли не гнева, я перевернул страницу. Ох, лучше бы не делал этого. На ней я рекламирую очередной парфюм. Помню день съемок, тот еще отстой. Хотя помощница режиссера была что надо...

-Ну, где же он! Может, нам следует позвонить?

-В полицию? - Откликаюсь я в раздражении перелистывая страницу со своим изображением. - Или в консульство России? Давай перешагнем эти ступени и сразу наберем Морг?

Я говорил лениво, прекрасно зная, что мои мрачные шутки лишь распалят и без того взвинченную ма... Бриджет. Так и случилось.

-Данте! - Воскликает она и вновь ставит старую пластинку на проигрыватель: - Как ты можешь так говорить?! Я же тебя попросила! Ты совершенно невоспитанный...

-Да откуда же взяться этому воспитанию, ты ли им зани-

малась? - Перебиваю я, совершенно хладнокровно.

Она молчит, лишь смотрит на меня. Сигарета в ее пальцах подрагивает. Глядя на дымящийся кончик мне жутко хочется достать пачку «Лаки Страйк» и тоже закурить.

-Данте. - Вновь говорит она, более спокойно, даже как-то неприятно-ласково. То, что она каждое предложение начинает с моего имени - это чтобы его не забыть?

Бриджет тушит сигарету о пепельницу и делает пару шагов ко мне, но останавливается. Слава Богу, я уже подумал, что она захочет меня обнять, погладить по голове или как-то по-иному проявить свое участие в моей жизни. Но она лишь скрещивает пальцы рук перед собой и продолжает:

-Я знаю, ты обижен...

Я лишь фыркаю. Обижен? Я? Какой интересный подбор слов она использует.

-И у тебя есть на то причины. - Вкрадчиво, как будто психолог, продолжает Бриджет. - Пойми, я не могу ничего изменить в нашем прошлом. Но сейчас я хочу начать все заново. И не одна, а с тобой. Эта семья... Я вижу ее, как новое начало для нас обоих. Как глоток свежего воздуха. Как перемену к лучшему, понимаешь?

Погодите, что? То есть она хочет, чтобы мы, люди, которые просто жили под одной крышей двадцать лет, резко «начали сначала»? И почему? Потому что она пригласила сюда своего любовника и его сыночка?

Я уже не мог сдерживаться и разыгрывать карту безраз-

личия. Вскочив с кресла, быстро подхожу к маме. Но лишь только открываю рот, чтобы высказать все, что думаю об этом фарсе, как в окно ударяет свет, продравшийся сквозь дождь. Фары такси мелькают на миг, прежде чем желтый автомобиль паркуется у нашего дома.

-Это он! - Воскликает мать. Будто и без этого не ясно.

Нехотя, я тоже оборачиваюсь к огромному окну, привлеченный событиями. И тут происходит нечто, что заставляет меня прищуриться в неверии. С характерным рокотом, следом за такси подъезжает уже знакомый мне мотоцикл. И я точно не могу спутать его с иным. Даже отсюда вижу как языки пламени «лижут» его бока.

-Поверить не могу. - Вслух бросаю я, и, не вдаваясь в объяснения уже мчусь в сторону выхода.

Мама кричит что-то вдогонку, непонимающе, но я не собираюсь разбираться с ней. Потом.

Этот гавнюк меня выследил, что ли?! Ну, значит, он выследил свою смерть.

Я выскакиваю прямо под дождь и широким шагом пересекаю подъездную дорожку. Парниша уже слез с байка, но не успевает даже повернуться, когда я хватаю его за куртку и с силой кидаю спиной на его же байк.

-Сюрприз, придурок. - Рычу я, хватая его за грудки. Пальцы проскальзывают по мокрой коже куртки, и я сильнее впиваюсь в неё, едва ли не поднимая пацана вверх. Или все же поднимая?

Жесть, какой он мелкий. Такого и бить стыдно.

-Ты что, следил за мной, дерьма кусок?!

Хочу его еще раз тряхнуть как следует, но тут мне в колено прилетает тяжелым армейским ботинком. Метко так, явно натренированным движением. Я резко втягиваю воздух сквозь зубы, но пацана не выпускаю. Его руки, все еще в мотоциклетных перчатках, хватают мои запястья. Он только злит меня еще больше.

-Эй, ты что творишь?! - Откуда-то справа, наверное, из такси, вылетает мужчина и толкает меня в бок. Я отпускаю свою добычу, не ожидая этого.

-Данте, что здесь происходит?! - Моя мама, единственная из всех четверых вооружённая зонтом, со смесью шока и ужаса на лице смотрит на меня.

Да что там, они все смотрят на меня.

-Мама, это мое личное...

Договорить я не успеваю. Байкер слегка наклоняется, чтобы стянуть шлем. Затем поднимает на меня полные злости глаза. Невероятно огромные, для такого маленького лица. Короткие волосы тут же мокнут под хлёсткими струями дождя. По острому подбородку, делая лицо похожим на зарисовку сердца, стекает вода.

-Девчонка? - Лишь выдыхаю я, не в силах поверить в увиденное. Отчего? Это же всего лишь девчонка, а не Лохнесское чудовище. Черт, я чуть ли не вымазал девушке!

-Бобби. - Рычит она. - И надеюсь, я ошиблась адресом.

Над нами ярким всполохом сверкнула молния, освещающая гостью, пытающуюся испепелить меня взглядом. Кажется, погодой управляю не я.

Роберта Харт

Класс. Не то чтобы я рассчитывала на приветствие по-русски, так сказать. Например, румяную девушку с кокошником и караваем наперевес, заставляющую меня отведать «хлеб энд соль»... Но чтобы меня хотели убить, даже не познакомившись... Обычно людей хватает хотя бы на день. Ну, или на час!

Лишь зайдя в дом, я смогла чётче осмотреть нападавшего. Высокий смазливый брюнет с намокшими под дождём волосами, которые были длиннее, чем мои, прицельно стрелял в мою сторону злыми взглядами. Ещё пара минут мне понадобилось, чтобы вспомнить это гневное выражение лица.

-Придурок на кабриолете! - Воскликнула я, не скрывая удивления, и для верности ткнула в него пальцем. Вдруг в радиусе есть ещё люди, и этот имбецил не поймёт, о ком я.

Он поморщился, как будто съел что-то противное. Наверное, подавился своим сомнением. Затем манерно поправил ворот мокрой рубашки. О том, что выглядеть стильно, когда с тебя ручьями стекает вода, невозможно априори, я не стала намекать этому мажору.

-Которого ты чуть не убила, дикарка. - Проговорил он, демонстративно не смотря на меня.

-Чуть-чуть не считается. - Хмыкнула я. - И я не просила тебя проявлять суицидальные наклонности, кидаясь под колёса моего байка. В следующий раз, если захочешь избавить планету от своего присутствия, выбери способ получше. Таблетки там. Или затяжной прыжок с моста, демонстрирующий высокий уровень хореографии... Зрители будут в восторге!

-А ты много об этом думала, да? - Хмыкает он.

-Глядя на твое лицо только мысли о суициде в голову и приходят. А нет, вру, мысль о том, что срок за убийство - сущий пустяк, посещает меня несколько чаще. - Парирую я, переступая с ноги на ногу.

Я расстегиваю куртку, снимаю перчатки. С меня течет, и даже обилие кожи в одежде не помогает. Вода затекла за шиворот, намочила ноги. Поэтому, зайдя в тепло, по телу распространилось какое-то неприятное болезненное состояние. Оно (тело) требовало горячей воды и сухой одежды. Но пока что получило лишь зонт, который я не знала куда приткнуть.

Огромный черный зонт-трость мне вручила мама этого идиота. Она выскочила из дома вслед за своим сынком, беспрестанно причитая. Она же конвоировала меня домой, позволив таксисту перенести мои вещи, которые тут же перехватил местный метрдотель и отнес куда-то в район второго этажа. Туда же умчалась и женщина, оставив нас наедине со своим сыночкой-скотиночкой, что было недальновидно. Очень жаль, если этот прекрасный белоснежный холл окрасится сочным оттенком красного, когда я разобью его напы-

ценное... Кхм... Ладно, okay, может, я перегибаю. Возможно, стоит дать ему еще один шанс?

Я вновь бросила взгляд на это недоразумение. Тот осматривал меня, не стесняясь. Холеный, засранец. Идеальная кожа и глаза: миндалевидные, каре-зеленые глаза с пушистыми ресницами, за которые девушки наверняка могли бы убить.

-Что смотришь, нравлюсь? - Тут же интересуется он, ладонью стирая с лица набежавшие капли. Хочется повторить его жест, потому что струйки, скользящие с волос, мешают и мне.

-Классные штанишки. - Лучезарно улыбаюсь я в ответ. - Такие узкие! Одолжил у одной из подружек?

-Отличная майка. - Откликается он, копируя мой тон. - Сняла с пьяного рокера?

Я хмыкаю, ничуть не стесняясь футболки с изображением черепа. Мы синхронно отворачиваемся друг от друга, демонстрируя единодушное равнодушие. И когда придет Бриджет?

Невеста моего папы совершенно растерялась, увидев меня. Она кинулась за пледом (что бессмысленно), затем решила, что мне необходим душ и сухая одежда (что имеет смысл) и унеслась раздавать указания прислуге. О том, что мне, как взрослой девочке, можно было просто ткнуть пальцем в сторону ванной комнаты, и я сама о себе позабочусь, эта представительница современной аристократии не подумала.

Я огляделась в холле. Шик, блеск, красота. Хочется при-

ложить ладони к лицу и покричать «ау», уверена, что услышу эхо, настолько здесь было просторно. Странно, но снаружи дом не выглядел таким огромным. Хотя, что я рассмотрела в потемках? Поправка: что я успела рассмотреть, пока на меня не накинута этот идиот?

Зато сейчас я с удовольствием вертела головой, наконец, приставив зонт к стене. От массивной входной двери из черного металла стелился черный ковер, о который я бесцеремонно вытирала ноги. Дальше, влево и вправо вились две белоснежные лестницы, чтобы встретиться наверху, на втором этаже особняка. С потолка в центре холла свисала хрустальная люстра, искря и сверкая. Откровенно говоря, увидеть такую было бы привычнее где-нибудь в музее, а не жилом доме. Впрочем, тоже я могу сказать и о нескольких колоннах, попарно подпирающих потолок, как атланты небо. Между лестницами притаился белоснежный рояль с изящной крышкой. Но я готова поклясться, стены этого дома вряд ли слышали, как звучат его ноты. Рядом с музыкальным инструментом расположилась красивая софа, как будто попавшая суда прямиком из старинной мелодрамы. Тут и там были расставлены вазы с цветами. Стены, колонны, предметы интерьера, мраморный пол - все было стерильно белым.

Итог ясен. Зайдя внутрь этого дома, на ум приходило лишь нечто вроде: «вау», «ого» или более подходящее «ну ни хрена ж себе!». Проблема лишь в том, что зайдя в какой-нибудь музей, с прекрасными картинами и восхитительными

экспонатами вы почувствуете тоже самое. Только вот жить в музее не хочется. В этом доме мне тоже жить не хотелось.

Поймав себя на этой мысли, я одернула себя и дала ментальную оплеуху. Нет, я обещала отцу, что все будет отлично. Так и будет.

Данте

Здесь, когда она встала под люстрой, как под ярким светом софита, я смог осмотреть ее лучше. Что ж, неудивительно, что я спутал ее с парнем. Удивительно иное - как остальные признают в этом девушку?

Сейчас с нее стекало столько воды, будто она добиралась до Америки вплавь. Она прошла по холлу и встала у одной из полок с всякими интерьерными безделушками. Через пару секунд у ног, обутых в армейские ботинки кукольного размера, что выглядело очень глупо, образовалось небольшое озеро. Белая мраморная плитка, за баснословные деньги заказанная матерью из Италии, обрела тёмные пятна.

Ее макушка вряд ли достанет мне до груди, если я (боже упаси, конечно), встану с ней рядом. Я нехотя подошёл ближе, рассматривая «братца». Лицо маленькое, загорелое, будто она всю жизнь провела на острове. Черты какие-то пухлые, я бы даже сказал детские. А нос и вовсе шелушился на кончике.

С коротких темных волос, которые подстригал пьяный Эдвард-руки-ножницы стекала вода. Чёрные мокрые пряди

липли к лицу и глазам. Макияжа - ноль. Я даже родную мать без косметики не видел. Образ завершали ссадины на костяшках пальцев и пластырь на скуле, скрывающий царапину. Больше всего девчонка напоминала пацана, сбежавшего из детской колонии, а никак не наследницу огромного состояния. Боже, ну что все-таки у нее на ногах? Это что, привет из армии?

-Я тебе что, экспонат в музее? - Раздался злой голос, заставляя меня оторваться от осмотра внешнего вида новой родственницы.

Я хмыкнул, и вновь поднял взгляд на ее глаза, чтобы сразу поставить на место и... Забыл, что хотел сказать. Даже не так. Просто все злые, обидные слова застряли в горле, буквально, не желая проталкиваться наружу. Как будто мое нутро взбунтовалось и решило, что лучше я подавлюсь ими.

Я не понял, что конкретно произошло. И почему? Вот я посмотрел в глаза этой мелкой девчонке, сверху вниз, как хозяин положения. И вот я уже не могу отвести взгляда. Такие они огромные и чертовски глубокие, как бездна. Пронзительные. Смотрят с вызовом, дерзко. Голубые, как льдины, того и гляди, заморозят. Ее зрачки будто притягивали и ловили весь свет в комнате, мерцаая.

Захотелось дать себе по лицу, да посильнее. Что это сонной? Ну не от морды же ее я дар речи потерял? Очевидно, весь алкоголь ночи еще не выветрился из головы, вот и мерещится всякая дичь. Расскажи кому, что Данте Дезмонд,

как какой-то вшивый эталонный герой романа, «посмотрел в глаза и погиб», или как там пафосно выражаются нынешние авторы - не поверят.

От необходимости рассуждать, стоит ли мне лечиться, спасла мать, наконец явившаяся:

-Прости, прости меня, девочка моя! - Запричитала она, начав суетиться вокруг девчонки с бригадой прибывших вместе с ней слуг. - Как же ты так! Вся мокрая! Почему ты не поехала на автомобиле?

-Такси привезло мои вещи. - Поясняет моя новая сестра маме. - А я не хотела кидать байк. Да и дела были.

Последние минут двадцать моей жизни были потрачены на прослушивание песни из охов и ахов матери, над бедной девочкой, намокшей и запуганной. Притом, если «запуганной», по версии той же мамы, её сделал я, то кто просил эту бешеную ехать в ливень на байке - вопрос открытый. Но, кажется, я и тут виноват. Как? Понятия не имею.

Барахло девушки уже покоилось в ее комнате, отделяемой от моей всего лишь стеной. И это плохо, потому что я явно видел среди немногочисленных вещей чехол гитары.

-Ещё не все! Данте, извинись перед Робертой.

Мои брови ползут вверх, на этот раз я даже не играю:

-Серьёзно?

-Более чем. - Настаивает мать.

-Не стоит. - Вклинивается девчонка, бросая на меня взгляд полный отвратительного снисхождения. - В извине-

ниях нет толку, если они не искренние.

Она улыбается матери, затем вновь смотрит мне прямо в глаза:

- Когда-нибудь, ты сам захочет извиниться, тогда и поговорим.

Хочется разразиться смехом. Да кем эта мелкая пацанка себя возомнила? Я? Захочу извиниться перед ней?

-Все же, мне жаль, что все началось на такой грустной ноте... - Говорит мама печально, и тоже смотрит на меня в ожидании.

Но меня больше интересует другой взгляд. Взгляд потерянного оленя, который внезапно возомнил себя королем леса. Не выдержав, первый прерываю зрительный контакт, поворачиваясь к матери. Слова выходят из меня резкими, отрывистыми толчками, потому что приходится протискивать их сквозь зубы:

-Бриджит, ты же понимаешь, что время детского сада прошло? Момент, когда меня надо было воспитывать и обучать таким базовым словечкам, как «простите, извините, пожалуйста» утерян. - Мама хочет прервать меня и даже делает какой-то взмах руками, как птица крыльями, но меня уже понесло: - Сейчас нельзя все проблемы решить простым словом и разойтись по разным углам песочницы. Но если тебе его будет достаточно, то без проблем. - Я резко поворачиваюсь к Роберте. - Прости меня, обычно я не быю девушек. По субботам. Дело в том, что я не знал, что ты девчонка. Видишь

ли, Роберта, моя мать, когда внимательно слушала рассказы твоего отца о своём отпрыске, не потрудилась поинтересоваться его полом. Представляешь, как забавно вышло? Я все верно сказал, мам?

Бриджит поджала губы так сильно, что они исчезли с ее лица, превратившись в тонкую полосу:

-Данте, ты невоспитанный, злой мальчишка! - Отчитывает она меня, как первоклассника, а не совершеннолетнего подростка.

Я ахаю, и даже прикрываю рот ладонью в ужасе. Но прежде чем я отвечаю на это заявление чем-нибудь, что напроць рассорит нас с матерью и сведет наш «пакт о моем хорошем поведении» на «нет», в разговор вклинивается горничная:

-Простите, мэм. Ванна готова.

Мы все смотрим на гостью, которая уже посинела. Мать едва ли в обморок не падает от осознания того, что позволила ей стоять в холле и мерзнуть. Когда девчонку хватает прислуга и уводит в гостевую ванную на первом этаже, мама оборачивается ко мне. И, судя по ее виду, разговор предстоит не самый счастливый.

Спустя пол часа мы сидим за столом. Роберта - чистая и сухая. Я - с основательно промытой головой и обвешанный очередными обещаниями «не портить матери жизнь». Ну, это в моем понимании. Передо мной тарелка с черным ризотто, и я усердно размазываю по ней рис. Аппетита нет со-

вершенно. Зато девчонка наяживает будь здоров.

-Выходные мы проведём вместе. - Вещала мама с радостью, будто говорила малышне о поездке в Аквапарк. Только вот водными горками здесь и не пахло.

При этом она сияла улыбкой, будто пыталась осветить всю комнату и заодно пару кварталов по соседству. Это было очень фальшиво. Точнее, натянуто, утрировано, преувеличено. Настолько, что я даже заволновался: справится ли её подтяжка лица с такими новыми для её мышц нагрузками. Что-то я не помню, чтобы она так улыбалась.

Окей, шучу. У неё нет подтяжки, по крайней мере, мне об этом неизвестно. Но вот второе - факт. Бриджит не улыбается так. По крайней мере, не мне.

И если с утра я думал, что стрелке моего настроения падать некуда, то ошибался. Мне хотелось что-нибудь расшибить, желательно, об голову этой девчонки. Я просто не мог спокойно смотреть на их сладкие, вежливые разговоры. Мать и так ждала нового родственничка, как малолетка любимого кумира. А тут оказалось, что «он», вовсе не «он», а «она». По крайней мере, прибывшее создание так заявляет. По внешним признакам пол определить не удаётся, а паспорт оно не предоставило. Но это не важно, ведь моя педантичная мать, как оказалось, накосячила. И теперь она пытается вылезти из шкуры... Простите, из дизайнерского костюма, чтобы угодить этой ошибке природы. А мне остаётся сидеть за общим столом, и охеревать от того, какой милой может быть

эта женщина. И даже рабочий телефон отключила. Нонсенс. Апокалипсис не за горами.

-Тебе понравится в академии «Платина»! Она, конечно, отличается от обычных учебных заведений, но только в лучшую сторону. Я уверена, ты слышала о ней. Студенты - сливки нашего общества. Они постоянно светятся в СМИ. Научные награды, творческие премии, спортивные достижения - всегда есть, кого поздравить из «Платины». Наш Данте, например... - Я закашлялся, прерывая мать, и взглядом показал ей завязывать с этим пиаром. Она прервалась на полуслове и, закончив фразу виноватой улыбкой, перевела тему на гостью: - Кстати, какие дополнительные курсы ты выбрала для себя?

-Творческое письмо, углубленная химия, биология, музыка, баскетбол... - Начинает перечислять она.

Я едва ли не подавился мидией, услышав последнее слово. Баскетбол? Да мяч больше, чем её голова. И, заметьте, я молчу о том, что с ее ростом следовало выбрать нечто более... приземленное. А её руки? Две тонкие веточки. Что они могут удержать? Воображение услужливо нарисовало мне то, как мастерски они удерживают байк, но я отогнал его прочь.

-Ничего себе, какой набор! - Восхитилась мама. - Все такое... Разное. И кем ты собираешься стать?

-Я подумываю о том, чтобы стать учёным в области фармацевтики.

Я вновь на время отключаюсь от их болтовни. Спасибо,

что они не пытаются втянуть меня в их душевный диалог.

Тарелки с ризотто унесли, меняя их на десерт - тирамису. Мама сегодня решила устроить вечер итальянской кухни в честь гости? Почему не русской? Ах да, вежливость вежливостью, но отравиться не хочет никто.

-Потом мне придётся уехать по работе в Японию. - Улавливаю я окончание очередных маминых излияний. - Оттуда мы вернемся вместе с твоим отцом, но вы же сможете о себе позаботиться? В понедельник Данте подвезёт тебя в академию и все там покажет.

Я чертыхнулся, но промолчал. Просто потому что был уверен, девчонка сделает всю грязную работу за меня. Не захочет же она променять свой транспорт на мою компанию? Нет, сэр.

-Да, мэм. - Чего?! - Я с радостью, спасибо.

Я вскинул голову, не пытаюсь скрыть шока. Передо мной сидело не исчадие ада, ниспосланное в Майями на байке, а кроткий ангел. Роберта очаровательно улыбалась моей маме, чинно поедая десерт. Она делала это с таким изящным и степенным видом, будто была выпускницей пансионата благородных девиц. Только вот монашек бы удар схватил, при виде её волос и шмоток.

Почувствовав мой взгляд, она перестала лопать десерт и посмотрела мне в глаза. И... вот она, метаморфоза. Глаза презрительно сощурились, губы сжались в тонкую, светло-коричневую линию. Такое лицо ей больше подходит, а не

та милая лицемерная маска. Хочет набить себе очков перед будущей мачехой? Посмотрим, что из этого выйдет.

Её брови вопросительно приподнялись. Она ещё спрашивает, какого черта меня не устраивает? Ну, детка, в эту игру можно играть и вдвоем. Наконец, все, что можно было съесть - съедено. Ужин объявляется официально закрытым. Не успел я выдать вздох облегчения, как:

-Данте покажет тебе твою комнату, она наверху. Хорошо, сынок?

Сынок? Я едва не давлюсь соком от этого ласкового обращения. Впрочем, перспектива подавиться апельсинным фрешем и помереть, живописно раскинувшись на персидском ковре, манит. Это лучше, чем играть роль её экскурсовода.

-А у дворецкого что, выходной? - Вяло артачусь я, все же ставя недопитый стакан на стол.

Бриджит кидает взгляд на девчонку, мило улыбаясь. Как бы говоря: "мой мальчик такой шутник". Или "ой, эти дети..." или на худой конец: "прости, он приёмный". Нет, моя мать не лживая. По крайней мере, я бы хотел так думать. Она наивная.

-Я бы хотела, чтобы это сделал ты. Заодно можешь показать ей дом, познакомьтесь поближе. Нам предстоит стать одной семьёй!

Приятно видеть, что от последней фразы матери, девчонка едва ли не позеленела.

Я фыркаю:

-Конечно, *мамочка*. - Выдавливаю я из себя елейным тоном, и иду из столовой в холл, к лестнице.

Не оборачиваюсь, но знаю, что коротышка семенит за мной. Правда делает это так тихо, как будто у неё не ноги, а кошачьи лапы. Сдерживаюсь, чтобы не посмотреть. Ещё чего. Опоздает на мой экскурсионный поезд - следующего пусть не ждёт.

-Это лестница. Ее используют, чтобы подняться на второй этаж. - Вещаю я, щедро делясь информацией. - Это комната для гостей. Библиотека. Комната для гостей. Игровая. Гостевая ванная. Это моя комната, и я очень надеюсь, что ты в жизни не переступишь ее порог. В противном случае, тебя там и похоронят.

Девчонка фыркнула и отвела взгляд от двери в мою спальню, пробормотав что-то про «синюю бороду»*. Комната рядом с моей предназначалась ей. Мать же была уверена, что у меня появится младший брат, который просто обязан жить по соседству. Не знаю, наверное, на случай если он боится грозы или ему будут сниться кошмары, чтобы я заботливо принял его под своим крылом. Мысли о девчонке, которую я уже нарек Бэби-бэмби за раздражающе огромные глаза, которая в одной пижаме приходит ко мне среди ночи, чтобы спрятаться от непогоды, вызвала двойские чувства. С одной стороны: в ней нет абсолютно ничего, что может понравиться нормальному парню. И да, она бесит меня даже тем, как

дышит и жует, и говорит, и смотрит... Но с другой... С другой, она бесит меня еще больше!

Я замираю на короткое мгновение перед дверью в ее спальню, но меня осеняет идея, и я меняю наш путь. Минув второй этаж, сразу поднимаюсь на третий. Боковым зрением выхватываю её мелкую фигурку. Оказывается, она идёт очень близко ко мне, из-за чего во мне поднимется новая волна раздражения. Вообще её присутствие бесит. И отзывается в моем теле лёгким покалыванием. Как будто она - чертов аллерген. И скоро я точно начну чихать.

Пройдя быстрым шагом комнаты для гостей, решительно взбираюсь по последней узенькой лестнице, которая буквально упирается в потолок и толкаю вверх дверь, на восточную мансарду. Девчонка, хоть и чувствует подвох, послушно следует за мной.

Мы оказываемся в небольшой комнате под крышей. Тёмная, с единственным источником естественного света - круглым окном на крыше. Сейчас за ним темно. Дождь успокоился и лишь редкие капли изредка стучат по стеклу, стекая с крыши.

Я нашариваю рукой выключатель. Щелчок, и пространство озаряется теплым, коричневатым светом. Нашим взглядам открывается то, о чем я и думать забыл. По бокам комнаты стоят шкафы, упирающиеся в потолок. Они доверху забиты старыми детскими книгами. А может и не детскими. Перед нами, прямо под окном, низкая софа, больше похожая

на матрас, кем-то забытый. В углу стоит огромное кресло, под напольной лампой, а рядом - сундук невесты с чем.

Сильно пахнет пылью, спёртых воздухом и старыми книгами. Комната лет десять используется... не используется. И слуги убирают её раз в год. Наверное. Если же верить слою пыли - раз в високосный год.

Отряхиваю ладони от грязи, которую собрал с пола, пока забирался наверх. Коротышка следует моему примеру и оттирает свои ладони друг о друга, оглядываясь.

-Решил начать экскурсию с самой высокой точки? Или это твоё любимое место, так сказать, отражение души?- Девушка желает пару шагов в небольшом пространстве, и заглядывает в окно.

А она почти права. Я любил комнату в детстве, представляя, что это форт-пост. Но сколько минуло времени? Слишком много.

-Холодно. - Позволяю я ей гадать.

-Тогда ты решил меня убить, а здесь тело никто искать не будет? - Девушка выразительно смотрит на паутину в углу окна, а затем на пятках разворачивается ко мне. А в глазах все тот же вызов. Как же бесит.

Я безразлично пожимаю плечами, лениво сунув руки в карманы (от греха...то есть от её шеи подальше):

-Меня попросили показать тебе твою комнату. Располагайся. - Кивая вдоль скудного убранства. - Что тебя удивляет? Во всех сказках и страшилках чудища живут на чердаках.

Или ты предпочитаешь подавал? Можно, конечно, устроить, но я же не зверь какой-то... Там сыро, одиноко. А тут тебе и окно, и крыша, и голуби. Для компании. У них мозг как раз как у тебя.

Губы девушки расплылись в улыбке. Наглой, я бы даже сказал, издевательской. И это было неприятно, ведь так улыбаться полагалось мне.

-Во-первых, голуби - умные птицы. Считать их безмозглыми, на что ты так мило намекнул - стереотип. А во-вторых. - Бобнетка подошла ко мне на максимальную близость и с вызовом смотрела снизу вверх, будто не замечая, что для этого ей приходится задрать голову. - Читай меньше сказок, принц недоделанный.

Прошипев это, она с силой толкнула меня плечом и решила спуститься обратно, но я резко схватил ее за руку. Девчонка поморщилась, но хватку я не ослабил:

-Послушай, пигалица. - Проговорил я со спокойствием, которого не испытывал. - Я не знаю, какую игру ты затеяла, и почему перед моей матерью выделываешься, как номинант на титул «Дочь года». Да мне, собственно, и нет до этого дела, как и до твоей жизни. Но я не собираюсь в свою очередь делать вид, что буду для тебя новым старшим братиком. Тебе тут не рады. Ни в моем доме, ни в моей академии.

Между нами воцарилась полная тишина. Даже капли прекратили свой монотонный бой за окном, будто прислушиваясь к нам. Я же всматривался в голубые глаза девчонки и не

понимал, почему она меня настолько бесит. Я задавал себе этот вопрос, но ответа не находил. Это была иррациональная злость. Впрочем, гнев по природе своей имеет мало общего с рациональностью.

С другой стороны, стоило вспомнить кто она, зачем здесь, и как перед ней стелется мать, в надежде создать «счастливую американскую мечту»... Если через неделю они заведут золотистого ретривера и купят одинаковые семейные футболки я не удивлюсь.

-А теперь ты послушай меня. Мне плевать на тебя, на этот дом, на твою мать. Все, чего я хочу - чтобы мой отец был счастлив. Если для этого мне надо жить под этой крышей, то, уж поверь, скорее, переедешь ты, чем я. Если для этого мне надо улыбаться Бриджит и ходить в академию для мажоров - так и будет. А если мне надо будет выгрызть этот кусок счастья для отца из чьего-то горла, например, твоего, я мигом покажу, насколько острые у меня зубы. И если хоть что-то, или кто-то, хоть полунеадекватно помешает моему папе быть счастливым - пусть этот «кто-то» заказывает гроб.

Резкий, совсем незаметный удар, и мое колено, все то же, правое, пронзает боль.

-Твою мать. - Шеплю я, против воли выпуская ее руку.

-В следующий раз я ударю по самому дорогому. - Со сладкой улыбкой садиста предупреждает она, а я пытаюсь напомнить себе, что девчонок не быю. - По твоим Фаберже. И поверь, я не промахиваюсь.

Девушка исчезает в проходе, а я потираю место ушиба. Надо бы поменять ей все армейские ботинки на балетные пуанты. Потому что еще пара таких ударов, и колени у меня будут в другую сторону, как у кузнечика.

Ну что же, мелкое чудище не понимает по-хорошему? Объясним по плохому.

Роберта Харт

-Роберта? Ты что там делала? - Когда я неловко спустилась по лестнице, меня встретил удивленный голос хозяйки дома - Бриджит.

-Мне захотелось посмотреть мансарду. - Сразу нашлась я. Не буду же я стучать на брата? Это так... Не по-семейному.

-Ох. - Она удивленно посмотрела вверх. Данте не показывался. - Это старое помещение, мы его не используем. А вот западная мансарда - там большая игровая, тебе понравится! А свою комнату ты видела?

Я отрицательно покачала головой:

-Еще не успела.

-Пошли, я тебя отведу. Надеюсь, тебе понравится!

Когда я попала в спальню, предназначавшуюся мне, я так и замерла на пороге.

-Здесь... Здорово. - Нагло солгала я, упираясь взглядом в балдахин на кровати. Балдахин! Они что, ждали принца Персии?

В просторной комнате было много коричневого, песочно-

го и черные акценты в мебели и предметах интерьера. Например, на трюмо, с легкой руки неизвестного мне дизайнера, нашла свое стойло резная фигура лошади.

По бокам просторной кровати, на которой, если потеснит-ся, может лечь футбольная команда, стояли две черные тумбы со светильниками-близнецами. За ними - вытянутые окна от пола до потолка, спрятанные за плотными шторами шоколадного цвета. В левом ближнем углу было подобие кабинета: пустой шкаф с открытыми полками, явно для моих пожитков, стол и кресло. С противоположной стороны огромный шкаф для одежды с зеркальными стенами. Мягкий ковер с пушистым ворсом устилал каждый квадратный сантиметр пола. Глядя на все это, напрашивалось лишь одно слов: «дорого».

Я вертела головой, мысленно взвешивая, можно ли вернуться на чердак? Там было так уютно... Паутинку убрать и можно жить, звезды считать. И нет, это не сарказм.

-Знаешь... - Бриджит, как и я, скептически рассматривала помещение. - Ты прости меня. - В очередной раз извинилась она за то, что решила клеймить меня парнем. - Я так сглупила. И комнату обставляли для мальчика. Может, ты посмотришь другие комнаты, и выберешь ту, что тебе понравится?

Я посмотрела на женщину. Женщину, которую выбрал мой отец. На которую он впервые обратил внимание за шесть лет. И хотя я в запале сказала Данте, что мне плевать на все и всех, если ее полюбил мой папа - значит она замечатель-

ная. А уж раз у них натянутые отношения с этим мажором, то тем более, она святой человек. Я улыбнулась и на этот раз ответила искренне:

-Нет, все здорово. Мне действительно нравится.

Бриджит вздохнула и, наклонившись, порывисто прижала меня к груди. Это был первый раз за все время, что я в доме. И это действительно было как-то... Неожиданно? Неловко? Пожалуй, и то, и другое. Все же я вышла из секундного оцепенения и слегка обняла женщину в ответ. От нее приятно пахло легкими цветочными духами и еще чем-то немного терпким.

-Прости. - Вновь повторила она. - Не так я представляла наш первый день знакомства. И прости Данте он... Он сложный, но очень хороший. Я надеюсь, ты очень скоро это сама увидишь.

Я не стала комментировать это. Может, он и правда хороший, когда сидит на успокоительных. Но для всех мам их дети - самые лучшие. Читала я про мать одного маньяка, которая называла его «бедным любимым сыночком»...

Когда Бриджит выпустила меня из кольца своих рук, то улыбнулась приятной, доброй улыбкой. Затем оглянулась еще раз:

-Ты можешь менять здесь все, что захочешь. Абсолютно. А теперь. - Она хлопнула в ладоши. - Спать! Ты наверняка очень устала с дороги.

Что ж, что правда, то правда.

Глава 2. День первый.

Битва вторая.

Глава 2. День первый. Битва вторая.

Данте Дезмнот

Утро. Очередное паршивое утро. Уикенд пролетел, махнув на прощание рукой, даже не оставив обратного адреса. Впрочем, вряд ли я захочу вернуться в этот ад, по мотивам сказок братьев Гримм. Да-да, тех самых, которыми, на мой взгляд, детей можно только пугать, а не укладывать спать и надеяться, что они не обмочат матрац.

Все выходные мне пришлось торчать дома, вместо того, чтобы оттянуться с друзьями перед новым семестром. Но что поделать? Необходимо было «познакомиться с новой родственницей и укреплять семейные узы». Тьфу, блин. Конечно, можно было взбрыкнуть и слинять, но в этом было мало толка. Лучше пока сыграть матери на руку, раз она хочет поиграть в семью. А там видно будет. В любом случае, от меня не требовали чрезмерного участия. Так, присутствие и пара улыбок в час, чтобы было видно, что я не сдох. Зато теперь я почти счастлив вернуться в академию. Никогда так не стремился к знаниям, как в этот понедельник.

Я просматривал новости в социальных сетях, игнорируя тонну сообщений от «Данте, ты приедешь?» до «Данте, я

скачаю и голая!» и лениво поедал сухой завтрак. Глазированные хлопья вперемешку с разноцветными маршмеллоу плавали в шоколадном молоке. «Лаки чармс»* - мой излюбленный завтрак с детства. Конечно, я не признаюсь об этом общественности даже под страхом смертной казни. По официальной версии, изложенной симпатичной журналисткой в одном из моих интервью, по утрам я успеваю лишь выпить крепкий кофе и, в лучшем случае, съесть пару тостов с сыром. Почему так? Потому что кофе выглядит brutальнее, нежели шоколадные шарики, или, боже упаси, звезды и радуга от «Лаки Чармс». Откуда в этой схеме взялся поджаренный хлеб? Понятия не имею. Импровизировал. В конце-концов, это так по-американски! Фанатки остались довольны.

Дом радовал своей тишиной. Прислуга испарилась из зоны моей видимости. Мама, распустив крылья, упорхнула на встречу со своим потенциальным мужем куда-то за границу штата. Напоследок успев взять с меня обещание «быть молодцом» и «доставить девочку до академии». Девочку. Да без проблем, только в доме нет ни одной девочки.

Будто почувствовав, что мои мысли направились в ее сторону, Роберта прошла на кухню, шлепая босыми ногами по кафелю. Шлеп-шлеп-шлеп. Раздражающий звук ее ступней - именно с ним разбилось мое утреннее спокойствие.

Она беспрерывно зевала, как будто не спала год. Хотя, судя по звукам из ее комнаты, сестренка и правда забыла о том, что ночь - для сна, а не музицирования. Переборы ги-

тары доносились до четырёх утра, не меньше. Все это время я мечтал зайти в ее комнату и завязать морским узлом все, что можно: от струн инструмента, до ее рук. Может, поставить ей звукоизоляцию? О, или предложить матери переселить рокершу-любительницу в гараж? Ведь именно там, в недоступном для людей, имеющих слух, месте, они (рокеры) и должны собираться, верно? Я воодушевился идеей, но вовремя осекся. В гараже стоит моя тачка. С этой идиотки станет ее поцарапать.

Боже, неужели я всерьёз породнюсь с «этим»? Я вновь посмотрел на «сестрёнку». Роберта, одетая в белую майку и серые широченные шорты, которые могли принадлежать мужчине, играющему в баскетбол в свободное от выпивки время, но никак не девушке, открыла дверцу холодильника. Посто-яла в задумчивости, глядя в его подсвеченное внутренними лампочками содержимое. Затем почесала затылок, очевидно, пытаясь собрать хоть какие-то мысли в пустой голове. И, наконец, достав из недр холодильника упаковку сока, стала жадно пить. Да, прямо из горла. Отерев рот рукой, она вернула бутылку на место. Я поставил мысленную галочку не пить из неё. Вообще не из каких бутылок. Да что там... Заведу себе отдельный холодильник.

А она, стоит отдать должное, неплохо освоилась тут за каких-то пару ночей. Фразу «чувствуй себя как дома» это подобие на человека разумного поняло буквально и постепенно превращает Дезмонд-хаус в свинарник. Стоит ли говорить,

что ее вещи я стал с завидным постоянством находить то в гостиной, то в библиотеке, то в ванной... Я не расстраиваюсь. Просто перекладываю их. Обычно, в мусорное ведро.

Роберта вытянула тарелку с сэндвичами и, поставив ее на стол, уселась. Заодно почесав голую ногу. Она точно девушка? Вот точно?!

-Если бы ты сейчас ещё яйца почесала, я бы даже не удивился. - Расщедрился я на умозаключение.

-Хочешь, твои почешу? У нас и чесалки имеются. Выбери любой размер. - Она кивком указала на кухонные ножи, стройными рядами стоявшие в деревянной подставке на кухонном острове. - Заодно решу одну очень важную проблему человечества.

Ох. Я пожалею об этом:

-Какую же?

-Лишу тебя возможности оставить потомство. Ещё пару поколений таких идиотов мир просто не переживет.

И всего-то?

-Знаешь, - Я откинулся на спинку стула, попутно вытерев губы салфеткой и бросая её в тарелку с наполовину доеденными хлопьями. Завтрак я точно продолжать в этой компании не буду. - Не факт, что ты опоздала со своими угрозами. Понятия не имею, вдруг, где-то уже есть мои потомки.

Зачем я это сказал? Черт его знает. Да ещё осклабился. Но мне до зуда под кожей хотелось показать ей свою «лучшую» сторону. Девчонка вскинула брови, на удивление,

весьма красивые и аккуратные. Значит, она следит ещё за чем-то, кроме расписания рок-фестивалей.

-Ты серьёзно считаешь, что этим стоит хвастаться? Что ты, теоретически, обрюхатил какую-то девушку и бросил её с ребёнком, о существовании которого и понятия не имеешь?

Я безразлично пожал плечами:

-А кому не плевать?

-Ох, не знаю. Может, этому самому ребёнку, который растёт без... - Она осеклась, не закончив предложение, и внимательно посмотрела на меня. Слишком внимательно.

-Без отца что ли? - Я встал, намекая на то, что разговор окончен.

На лице сама собой нарисовалась издевательская улыбка. Девушка осталась бесстрастной, хотя мы оба поняли, куда склонился разговор. Мы в этой кухне оба имеем только половину родителей, так сказать. Понятия не имею, где ее мать, как и она не в курсе, где мой отец. Просто мы знаем, что их нет. Иначе мы бы не стояли сейчас на одной кухне.

Роберта молчала, просто смотрела на меня своими огромными глазами и бесила. И этим молчанием, таким не свойственным для этой языкастой особы, и взглядом в духе «мне жаль».

Обогнув стол, я бросил тарелку на поверхность посудомоечной машины, где ее найдет прислуга. Девушка даже не обернулась и не шелохнулась от громкого звука. Я подошел вплотную к ее спине, вытянутой в прямую линию, и нахло-

нился к уху, твёрдым шёпотом произнеся:

-Поверь, Бобби. Ему плевать. Я *точно* это знаю. - Отстранившись, я бросил: - В семь выезд. Жду минуту, потом уезжаю без тебя.

Роберта

Когда я вышла из дома, Данте уже сидел за рулем знакомого мне кабриолета и курил. Ожидаемо. За этот уикенд я заставляла его за сигаретой чаще, чем своего отца. Наверное, он хватался за них каждый раз, когда появлялось желание меня убить. Данте, не папа.

Надо признать, выходные вышли такими странными и нервными, что я сама едва не поддалась влиянию этой пагубной привычки. Шучу, конечно. У меня были свои слабости - леденцы на палочке. Ими были забиты мои карманы, сумки, полки и ящики в комнате... Ну, не могу я без конфет. Вот и сейчас, прежде чем сесть в автомобиль к врагу, я достала из наружного кармашка рюкзака апельсиновый леденец и засунула его в рот.

Сев в пассажирское кресло, я ладонью разогнала сигаретный дым от лица. Который этот мажор «случайно» выдохнул в мою сторону. Сладковато-терпкий запах забился в ноздри, заставляя меня кашлянуть.

-Простите, леди. Все места для некурящих заняты. - Среагировал Данте, глядя на мои манипуляции.

-Что ты, все отлично. - Откликнулась я с улыбкой. - Ку-

рение - это часть естественного отбора. Ты просто медленно убиваешь себя, помогая планете избавляться от идиотов. Так что, матушка Земля, и я лично, говорим тебе «спасибо». Может, еще сигаретку?

Он лишь ухмыльнулся и, сделав еще одну затяжку, щелчком пальцев послал окурок куда-то в неизвестность, игнорируя встроенную в кабриолет пепельницу. Почему я не удивлена? Наверное, аксессуары в авто он считает более дорогими, чем какую-то землю с травой и деревья. Они всего лишь производят кислород, которым мы дышим. Подумаешь.

Натянув очки (плюс сто к крутости), он вдавил педаль газа в пол. Меня буквально вжало в спинку сидения. Несколько более длинных прядей волос попытались влезть мне в рот. Жизнь усложнила конфета: когда я пыталась от них избавиться, волосы отчаянно липли к сладким губам.

Невольно я глянула на соседа по салону. Дезмонд смотрел на дорогу, чувствуя себя уверенно и расслабленно. Даже не смотря на то, что он удерживал стрелку спидометра на отметке в 150. А его волосы, конечно, не пытались ослепить или накормить собой хозяина. Более того, длинная шевелюра шоколадного цвета едва-едва колыхалась на ветру. Наверное, это особенный кондиционер, для очень послушных волос.

-Что с твоей прической? - Внезапно нарушил молчание брюнет, будто почувствовав, о чем я думаю. Ну, или мы находимся на одной волне, но это крайне маловероятно. Я -

это рок, а он - случайная станция, миксующая попсу, хаус и техно.

-А что с ней?

-С ней ты похожа на парня. - Вынес вердикт моему образу Дезмонд.

-Завидуешь, что хоть кто-то из нас похож на мужика? - Парировала я.

-Ты лезбиянка? - Вопросом на вопрос ответил мажор.

-До нашего знакомства мне определено нравились парни. Но глядя на тебя, я всерьёз задумываюсь о смене ориентации.

Брюнет издал какой-то странный звук, среднее между «кха» и «хм». Еще пара секунд святой тишины и его вкрадчивый голос вновь привлек меня:

-И тебя не интересует, почему я сделал такой вывод?

-Когда меня что-то интересует, я спрашиваю. - Довела до его сведения простую истину я. - И я знаю ответ на этот вопрос.

-Да что ты?

-Ага. Все потому, что ты скорбный умом и мыслишь стереотипами. Например, короткие волосы, и то, что я не растекаюсь лужей, видя твой модельный профиль, записывает меня в сексуальные меньшинства.

-Ты в мужских брюках. - Добавляет к списку очевидный факт Дезмонд.

Ну да, сегодня на мне мужской комплект одежды. Здесь

все ждали Роберта, парня-коротышку, поэтому пошили на меня превосходные мужские штаны. Завтра Бриджит обещала все исправить, хотя мне и так нравилось.

-Что, правда? - Удивляюсь я, глядя на свои ноги, обтянутые темно-серой тканью. - И действительно! Как я не смогла штаны от юбки отличить? Спасибо, что подсказал.

-У нас строго с формой одежды.

-Ты просто переживёшь, что в этом костюме я выгляжу круче, чем ты. - Меланхолично ответила я, разглядывая местность.

Эти пару дней я провела в особняке и не выезжала за его приделы. А вечером, когда я въезжала в новый дом, дождь и темнота мешали мне любоваться видами. Особняк Дезмондов буквально утопал в зелени. И, похоже, на сотни километров вокруг него не было ни единого жилого дома.

-А у вас есть соседи? - Поинтересовалась я, когда устала смотреть на однотипные деревья, чью породу мне мешало определить отсутствие на них плодов и у меня ученой степени по ботаники.

-Нет. И зачем?

-Ну, там... Попросить соль и спички, когда закончатся. - Пробубнила я.

Данте кинул на меня презрительный взгляд, всем видом показывая: если ему понадобится соль, он купит завод по ее производству.

-Ближайшие соседи находятся в городе.

-И не страшно жить в таком уединении? - Спросила я и спешно развила мысль: - В смысле, я смотрела достаточно фильмов ужасов, чтобы авторитетно заявить: именно в такие дома призраки, маньяки, демоны и прочие приятные личности и проникают.

-Мы с тобой смотрели разные фильмы. В тех, которые нравятся мне, маньяки убивают говорливых школьников и выкидывают их в лесу.

Я поняла намек, и лишь закатила глаза. Перекатив круглый леденец из-за одной щеки под другую, вновь отвернулась. Лучше деревья.

Данте включил радио, наверное, чтобы закончить все разговоры. Я была полностью солидарна с этим решением. Удобнее устроилась на комфортабельном сидении и, подкастав рукава пиджака, стала бездумно теревить навязанную на запястье коричневый платок. Из приемника доносилось что-то навязчиво-приставучее про любовь-морковь. Мотив прилипал намертво, как розовая жвачка к подошве. Но прежде, чем из моих ушей начала сочиться кровь, песня сменилась на другую.

Я узнала ее с первых гитарных аккордов. А через пару секунд к музыке присоединился немного хриплый голос Билли Бойла - солиста рок-группы «Одинокие». Мысленно я подхватила первую строчку, а руки даже слегка закололо, от желания пройти по струнам вместе с гитаристом.

Если меня спросят, какого цвета любовь,

Я сразу вспомню твои глаза.

Если меня спросят, о чем...

Голос вокалиста обрывается. Я резко оборачиваюсь к водителю, который жмет кнопку радио, переключая каналы.

-Эй! - Возмущённо восклицаю. - Я слушала!

Уверена, этот упырь видел, как я двигаю в такт голову и нарочно выключил песню. Теперь из колонок навороченной аудиосистемы вновь раздавалась попса.

-Отвратительная песня. - Заявляет он с непоколебимым выражением на лице. - Как и весь рок.

В горле начинает клокотать. Меня распирает от возмущения. Нет, конечно, о вкусах не спорят, но... Я и не собираюсь спорить. Я просто сейчас расцарапаю личико этой принцессы!

-И ты, кстати, тоже поешь отвратительно. - Говорит он прежде, чем я успеваю возразить. - В следующий раз иди делать это на улицу. Или в лес.

Обида захлестнула меня новой волной. Музыка - это то, чем я дышала. Чем жила. Если мне было плохо - моей опорой и защитой была музыка. Когда я была счастлива - делилась этим с музыкой. Музыка - это мое понятие вечности. Она не знает времени, границ... Она задевает самые потаенные струны души. И я отдавалась ей полностью, в каждую ноту вкладывая душу. Выворачивая себя наизнанку для каждой новой песни. И да, если я в этой жизни что-то умела - играть на гитаре.

В момент жизни, когда я потеряла себя, именно она, да еще отец, спасли меня. Буквально вытянули из бездны херового отчаяния, куда я сама себя затащила. Кроме шуток: я бы просто рано или поздно оказалась в кювете, либо в тюрьме для малолеток. Но я здесь.

И теперь этот мажор, который привык вливать в себя алкоголь и трясти патлами в клубах под нечто, лишенное смысла, будет говорить мне, что я - отстой?

- Да пошел ты! - Прорычала я, чувствуя, что покраснела до корней волос.

Он бросил на меня косой взгляд. Я удивилась, насколько его выражение лица было каменным:

- И это все твои аргументы?

- А что мне тебе сказать? Что у тебя отвратительный вкус? Ты и сам это знаешь! Что я плевать хотела на твое мнение и буду петь там, где захочу? - В доказательство своих слов, я издевательски усмехнулась.

Пристроив остаток круглой конфеты, как микрофон, протянула:

- Если у меня спросят, какого цвета любовь, я...

Машина остановилась так резко, что лишь ремень безопасности спас меня от того, чтобы вылететь через капот. Он с силой надавил мне на грудь и, кажется, чуть ли не прорезал своим краем низ шеи. По крайней мере, в месте над ключицей жгло. Меня не то что оборвало на полуслове, из меня вылетел весь воздух:

-Ты больной?! - Крикнула я, пытаюсь отдышаться и оттягивая ремень.

-Я тебе сказал: мне не нравится эта песня. - Сквозь зубы процедил Данте.

Я смотрела на него не с ужасом, но с долей страха. Так же я бы смотрела на психически больного человека, размахивающего передо мной ножом. Непонятно: отрежет он кусок торта или мне палец.

Дезмонд был бледнее обычного. Руки сжимали руль так, что костяшки пальцев стали меловыми. Из-за черных очков не было видно его взгляда, и знаете что? Слава Богу. Думаю, будь у него шанс, он бы обратил меня в ледяную глыбу.

-Или ты едешь в моей машине по моим правилам, или выметайся. - Продолжил он с нескрываемой ненавистью.

Было огромное желание выскочить из кабриолета прямо здесь, на обочине, хлопнув дверью. Наверное, я бы так и сделала, если бы не обещание отцу. Я должна была хотя бы постараться жить нормально, ради него. Слишком много он со мной вытерпел.

А еще показать, что я счастлива, чтобы и он смог стать счастливым. И то, что я заблужусь в этом городе, или опоздаю на занятия, или убью сына его невесты - не входит в приложения к нашему контракту. Поэтому я не просто наступила на горло гордости армейским ботинком, я придавила ее к земле обоими ногами.

-Поехали. - Просто ответила я, понимая, что любое лиш-

нее слово может спровоцировать его или меня.

Когда мы, наконец, спустя семь песен, которые (о радость!) не вызвали в Дезмонде приступа агрессии, остановились, Данте бросил:

-Приехали. Выйдешь здесь, вон академия. Не хочу заезжать с тобой на парковку.

Я хотела вылезти из проклятой машины, но брюнет грубо дёрнул меня за локоть, заставляя вновь упасть в кресло:

-Не спеши. Несколько правил.

Я обернулась к нему, кипя негодованием. Вытянув изо рта белую палочку от конфеты, которую нервно грызла, прошипела:

-Еще правила?! О-у-кей. Я обещаю не курить на территории академии и учиться на пятерки, дядя. А теперь, позволь...

Я вновь дотронулась до ручки, как с характерным щелчком кнопки блокировки опустились в гнездо, отрезая путь на волю. Можно подумать, мне составит мало труда выпрыгнуть через верх?

Я вновь круто развернулась, сверля нахального идиота взглядом:

-Какого черта тебе надо?!

-Уйдёшь, когда я разрешу.

Мажор стянул очки и сложив их, лениво бросил на приборную панель. Лишь после этого он соизволил посмотреть на меня.

-Ты считаешь, из кабриолета можно выйти только через дверь? - Скептически осведомилась я.

Рука парня как-то неуловимо, но с силой, несочетавшейся с его смазливym образом, обхватила мое запястье. Все внутри меня вскинулось в едином порыве - надрать его задницу, но я лишь крепче сцепила зубы. Не дай бог откушу что-нибудь. И отравлюсь.

-Значит так, женская версия Маугли. - Наконец начал он. - Здесь мы с тобой не знакомы. Если ты хоть намекнёшь, что знаешь меня, или, тем более живёшь в моем доме, до выпускного ты не доживешь. Про наших родителей тоже не говори.

Я с вызовом уставилась на парня:

-Я бы тебя послала далеко и надолго, но, так уж вышло, что твоё предложение меня полностью устраивает. Если ты всерьёз думаешь, что кто-то в здравом уме захочет хвастаться знакомством с тобой?

Он растянул губы в язвительной ухмылке:

-Поверь, ты очень этого захочешь. В любом случае, я не желаю слышать, чтобы наши фамилии звучали в одном предложении.

-Единственное предложение, в котором наши имена могу встать рядом - статья из криминальной хроники. Примерно так: «Богатенький сосунок Данте Дезмонд найден расчлененным в своём автомобиле. Убийца, Роберта Харт, получила ордер за особые заслуги перед обществом, за избавление

людей от этого мусора». И если ты не хочешь, чтобы завтра этот заголовок украшал всю свежую прессу - немедленно выпусти меня.

Данте ещё пару секунд выдерживал мой взгляд, затем разжал пальцы с кратким:

-Вали.

Я вернула палочку от леденца на своё законное место, то есть в рот, и «отвалила», не забыв от души хлопнуть дверью иномарки. Когда за моей спиной раздался мат, я счастливо улыбнулась.

Данте Дезмонд

Сегодня утром настроение было изгажено настолько, что даже после встречи с друзьями ситуация не улучшилась. Перед сбором в актовом зале, проходящим в начале каждого семестра, у нас было свободное время. Но вместо того, чтобы слушать о похождениях Картера, я думал о идиотке.

Да. Роберта не шла из головы и это бесило. Я и не думал, что так сорвусь. Не замечал за собой склонность к излишним эмоциями, но за последнее время я впадал в бешенство регулярно - и причиной каждый раз служила она. Со дня нашей первой встречи.

И даже сейчас я неосознанно искал в толпе студентов её коротко стриженный затылок. Словив себя на этой мысли, я стал злиться пуще прежнего.

Мы с друзьями переходили из корпуса естественных наук в технический, когда заметили толпу. Что в элитной школе,

где я учился, что в "Платине" люди были одинаковы по своей природе. Они напоминали голубей, учуявших кормежку. Понятия не имею, как эти птицы делились информацией, но стоило кинуть пару крошек одному, как через пару минут налетало пару десятков голодных пернатых. Так и здесь, только студенты искали не "хлеба", а "зрелищ". Они стягивались к эпицентру чего-то интересного. Обычно я обходил такие столпотворения стороной, но сейчас... Я встал, как вкопанный, наконец найдя тот самый затылок.

-Данте, ты меня слушаешь? Данте!

Давай зададим вопрос по существу: когда я вообще тебя слушал? Такое было? Не припомню.

-Погоди-погоди! - Шикаю на вцепившуюся в мой локоть Линдси, подавляя желание вовсе стряхнуть девушку с руки, как сор.

Лин сама отпускает мою руку. Кажется, желая показать степень своей обиды. Но не успеваю я облегчено вздохнуть - тут же хватает обратно, бесцеремонно сминая ткань форменного пиджака. Я бы вконец осатанел, но сейчас все мое внимание приковывает картина, разворачивающаяся прямо у главного входа в здание академии.

Моя новоиспечённая "сестрёнка" стояла перед заместителем декана - мистером Марксом. Сурового, весьма сурового мужчины, которого лишний раз не желали раздражать не то что ученики, но и учителя не рисковали показаться ему на глаза, если у того было плохое настроение... То есть в любое,

абсолютно любое время суток. Я лично видел, как физрук пару раз сбегал от него через аварийный ход. Не даром его прозвали Инквизитором. Маркса, не физрука.

И прямо сейчас у него едва ли пар из ушей не валил. И, к моему счастью, весь гнев его был направлен на мелкую пакость. Правда сама девчонка жертвой себя будто не считала и всем видом выражала скуку смертную, едва ли не зевая. А нет, вот, уже зевает.

-Инквизитор снова открыл охоту на ведьм? - Спросил Трей, останавливаясь рядом.

-Скорее на гномов. - На автомате поправляю его я, не отрываясь от зрелища.

-Это кто? - Трей прищурился, силясь понять, почему это «нечто» меня так заинтересовало.

-Братик мой. - Фыркнул я.

Друг уже выслушал чудесную историю нашего знакомства с новым членом семьи. Правда поддержки я не получил, лишь дикий хохот и порцию шуток в мой же адрес. Иногда я вообще не понимаю, почему он мой лучший друг? Ах да, потому что других у меня нет.

Сцена, тем временем, стала набирать вокруг себя зрителей. Смотреть на гнев Инквизитора в академии - сродни средневековым развлечениям. Ну, знаете, когда один идиот кричал: «она ведьма!», потому что у девушки родинка странной формы, и все бежали на площадь смотреть, как палач ей рубит голову. Ну, а как еще развлекаться? Ни кино, ни клу-

ба. И вот стоят они, семьями, и радуются, что они - зрители, а не «актеры». Вот и в нашем храме науки радовались, что под горячую руку попались не они.

Роберта еще с местными правилами была не знакома. Во рту конфета на палочке. Снова. Ее белый кончик перескакивает с левого на правый уголок рта девушки, когда она перекатывает леденец во рту. Рукава пиджака подкатаны, руки в карманах. На ногах - армейский ботинки. Она перекатывается с пятки на носок и морщится, когда голос зам.декана становится на октаву выше. Это явно злит преподавателя еще больше, и он начинает краснеть, перебирая все оттенки: от нежного-розового, до ярко-красного. Пятьдесят оттенков Маркса... Идея для неплохого фильма ужасов.

В любом случае, прямо сейчас к заму я не испытывал привычной ненависти. Более того, он мне даже начал нравиться! Ведь лицезреть то, как эту неадекватную отчитывают в первый учебный день доставляет мне какое-то извращенное удовольствие. Оно разливается в моей груди, грея душу, как хороший виски. Подчиняясь порыву, подхожу ближе, чтобы слышать причину скандала.

-Ты не можешь ходить в брюках! - Брызжет слюной Инквизитор, щедро орошая ей дорожку.

-Серьёзно? - Хмыкает девчонка, предварительно достав изо рта красный леденец. - У меня что, три ноги? Потому что я не вижу других возможных причин не носить штаны! Вот он ходит!

Она кивает на одного из зрителей - парня с коротким ежиком светлых волос. Все присутствующие поворачиваются к студенту. Тот растерянно моргает и густо краснеет, не в силах справиться с таким количеством внимания к его скромной персоне.

-Он - парень! - Кричит препод, а его лицо и шея, кажется, готовы взорваться от уровня прилившей к ним крови.

-И как он только распознал в ней девчонку. - Не могу сдержать комментария я, и Лин смеется, как над очень удачной шуткой.

Не могу понять, почему, но сегодня моя подруга раздражает меня больше обычного. Наверное потому, что липнет ко мне с самого утра, пользуясь отсутствием Хайди - моей, так сказать, девушки, застрявшей где-то на лыжном курорте с предками. Не смотря на то, что они считаются лучшими подругами, Хайди ей горло перегрызет, если увидит под руку со мной.

-Попахивает сексизмом. - Протягивает Роберта и нагло так улыбнувшись, продолжает: - Можно подумать, я не вижу, что он парень. Но что с того? Женщины много лет боролись за свои права, в 1920 году нам даже разрешили голосовать и зачем? Чтобы мне нельзя было надеть брюки? В каком веке мы живём!

Маркс проводит ладонью по лбу, стирая выступивший пот. Он уже задыхается. Похоже, они давно спорят о правах женщин, и я подросел уже к концу. Какая жалость.

-Послушай... - Он пожевал губами, прежде чем выплюнуть: - Студентка. Любому учебному заведению нужны правила. Ты, и все остальные ученики, обязаны им следовать! И по нашим правилам девочкам носить брюки не положено! Ты должна их снять или...

-Чертвозьми! - Наконец, срывается и Бобби, всплёскивая руками. - Да пожалуйста! Уговорили!

На глазах у всех студентов, которых собралось вокруг не мало, Роберта резким, нервным движением дёрнула пуговицу на штанах, опустила молнию вниз, и, когда они легко упали к ее ногам, вышла из черных штанин. При этом она была не лишена какой-то грации, что ли.

Брюнетка осталась в одной рубашке, тоже мужской, которая едва прикрывала ягодицы. Из под неё даже виднелись фиолетовые трусики, облегающие явно не обделённую приседаниями попу.

Девушка вызывающе посмотрела на учителя и скрестила на груди руки:

-Так лучше?

-Очуметь. - Сказал Картер. - Это я удачно поучиться приехал. Девушки в мужских рубашка - моя слабость.

Я даже не заметил, как он нарисовался рядом и сразу стал пожирать коротышку взглядом.

-Мать Божья. - Поддержал его Трей и подтолкнул меня локтем в бок, и, понизив голос до шепота, продолжил: - Познакомишь с сестренкой, дружище? Я тут осознал, что про-

сто мечтаю попасть к вам на семейный ужин. А может и в родственники. Станем братьями?

-Очень смешно. - Фыркнул я, даже не улыбнувшись. По факту мне захотелось тоже ткнуть Трея, только не локтем в бок, а кулаком в лицо.

Но надо отдать парням должное: здесь и правда было на что посмотреть. Ее ноги оказались подтянутыми, спортивными и красивыми. Конечно, она не могла обойти их стороной и оставить без картинок. На обоих бедрах и левой икре виднелись яркие татуировки.

Мда. Ничего ножки у моей сестренки. Если бы она не стриглась топором в темноте, и не обладала... сложным характером, я бы смог ей заинтересоваться на вечер. В порядке экзотического разнообразия. Хотя нет. Не мог бы.

Но поступок гнома был действительно обескураживающим. Это же надо, снять штаны на глазах у декана и всех учеников, которые вообще-то имеют телефоны. Она либо дура, либо безбашенная. Впрочем, нельзя отменять вариант «комбо». Очень, очень опасное сочетание, когда человек без мозгов не имеет страха и стоп сигналов. И теперь эта бомба замедленного действия живет в моем доме. Буквально через стену от меня. Охренеть, какое счастье. Спасибо, мама. С таким же успехом ты могла выбрать в женихи отца Гитлера.

-Вы ведь этого добивались? - Поинтересовалась тем временем Роберта самым милым тоном. - Только это уже не сексизм, а домогат...

-В кабинет директора! - Выходит из оцепенения Инквизитор и орет на весь двор: - ЖИВО!

Пара девчонок сзади него подпрыгивает от неожиданности, Роберта даже не морщится. Она выглядит до тошноты довольной.

Брюнетка пожимает плечами и подхватывает брюки с земли:

-Дорогу покажете? Я новенькая. - Мило улыбается она, глядя на мужчину, близкого к припадку, через плечо.

-Пройдемте. И ради всего святого, наденьте брюки!

-Вам не угодишь. - Ворчит себе под нос девчонка, даже не пытаясь скрыть ухмылки.

-Выглядит как начало хорошего порно. - Гогочет рядом Скотт. - «Новенькая в кабинете директора». Категории: школьницы, татуировки,

Линдси морщится от пахабной шутки, хотя мы оба знаем, что ей такое нравится. Я лишь криво усмехаюсь. Трей корректно молчит. Потому что знает о Бобби немного больше остальных, да и потому что он просто хороший парень.

-Эх, а хорошо семестр начался. С женской попки! - Скотти так воодушевлен, что мне хочется переключить его внимание на что-нибудь другое, но рядом нет ни одной закусочной на колесах. Кроме хот-дога и девчонок его мало что интересует, поэтому и заткнуть нечем. - А она явно плохая девочка, как думаете? Видели, какие татушки на ногах?

«Не только на ногах» - проносится у меня в голове, и я

вспоминаю ее руки, покрытые яркими витиеватыми узорами и картинками. Некоторые из них забрались на ключицы и тянут свои загибающиеся чернильные лапы к шее. Что именно набила себе Бобби я не знаю. Хотя во мне и просыпался какой-то интерес, глядя на них, но я старательно задушил его в себе. Не буду же я рассматривать ее? Много чести.

-Интересная штучка. Горячая, дерзкая. Только кто она? И откуда? И чья дочь? Перевестись сюда в середине семестра - это ж какие деньги иметь надо... Может ее предки владеют сетью тату-салонов? Или автосалонов?

Я молчу, не желая раскрывать тайну этой «горячей штучки». Трей ловит мой взгляд, и еле заметно дергает плечами, мол «я и не собирался ничего рассказывать». Скотти продолжает распинаться, когда мы, как и прочее стадо студентов, продолжаем движение в здание академии. Линдси поджимает губки, строя обиженную мордашку:

-Ты что, влюбился? А как же я?

Женщины. Трется грудью о мою руку, и заигрывает со Скоттом. В этой сцене вся их суть. И, конечно, спроси ее кто-нибудь, она скажет, что шутит. Но мы все знаем, что Скотт действительно влюблен в Лин. Главное, что она это знает и постоянно этим фактом пользуется. Она не подпускает его к себе, обводя френд-зону колючей проволокой, но от себя далеко отойти не дает. Как говорится, хочет и рыбку съесть, и на хер сесть. Причем хер ей почему-то необходим именно мой. А вот сбегать за кофе, достать какой-нибудь редчайший

билет, или подвести куда-либо - здесь и Скотти пригодится. Мерзко, в общем. Но наш друг этого не видит.

Скотт как всегда закусывает наживку и закидывает руку на плечо девушке, смачно чмокая ее в щеку:

-Королева, ты прекраснее всех в этой академии!

-Только в академии? - Хлопает глазами девушка, в попытке взлететь над землей, не иначе.

-Во всем мире! Нет, всей вселенной! - Поспешно поправляет свою оплошность бедный парень.

Дальше мы идем и обсуждаем красоту Лин. Все вокруг говорят о произошедшем. Мда, новый семестр начался отлично. Надеюсь, моя сестренка любит популярность. И также надеюсь, что она не станет трепаться обо мне.

Роберта Харт

Экскурсия по академии неожиданно началась с кабинета декана. Ну, что ж, зато сразу познакомилась с местным начальством. Мистер Карлос оказался низким, полным мужчиной. Седина подбиралась к нему по бокам, аккуратно выкашивая седые волосы с висков к затылку. Пожурив, мне вручили бумажку (пропуск в комнату для провинившихся), пожелали приятного обучения и отправили с секретарем смотреть корпуса. Осмотр был беглый, потому что у Ванессы (той самой секретарши, лет двадцати пяти от силы) было и «без того много дел».

Академия, впрочем, что надо. Бассейн размером с при-

личное озеро, теннисный корт, футбольное поле, два спортивных зала с высоченными потолками, зал для фехтования, целый корпус отведен под искусства... В каждом кабинете интерактивные доски наравне с обычными. И еще всякие современные примочки. Состав преподавателей - «заслуженный презаслуженный». Неудивительно, что диплом об окончании «Платины» приравнивают к «Лиге плюща»*.

Вообще вся наша беготня по нескольким корпусам была примерно такой:

«-Это столовая.

Что, серьёзно? Спасибо, ценная информация! А то очень уж похоже на библиотеку!

-Спортивный зал.

И это не библиотека? Эх.

-Библиотека.

Так вот она какая!»

Но это академия. То есть стены и все такое. Но не люди. Они просто выводили меня из себя. В итоге, к моменту, когда я освободилась и практически неслась по пустынным коридорам в сторону главного зала, я была настолько взвинчена, что поднеси к моему лицу спичку - вспыхнуло бы все здание. И это, по моему скромному мнению, было бы лучшим подарком человечеству. Конечно, я знала, что нельзя судить по первому впечатлению обо всех студентах и академии в целом, но то, что я успела увидеть за утро, мне не понравилось.

Да, преподаватели здесь были титулованы как рыцари в

Великобритании. Да, лица многих детишек я уже точно где-то видела: в рекламе, новостях, на обложках журналов. Да, возможно многие бы задушили за возможность здесь учиться. Но не я.

Напыщенность и чрезмерно завышенное ЧСВ* были в базовой комплектации каждого, кто мне встретился. Разговоры местной молодёжи сводились к двум противоположным темам: вечеринки и финансы. И если бы они считали *свои* деньги, то их можно было понять. Но они мерили окружающих по статусу (их родителей), кошельку (их родителей) и работе (их родителей).

У меня раз тридцать спросили, кем работают мои родители, что меня приняли в «Платину» среди учебного года. Раз тридцать я включала фантазию на полную, наряжая отца то в костюм телохранителя президента, то в халат секретного ученого или, мое любимое - с серьезным видом рассказать, как он трудится в Техасе на родео, объезжая быков для корриды, а затем убеждать, что это очень выгодное предприятие. Кажется, я уговорила пару ребят сделать крупные инвестиции в «Харт-Быкарт».

Но не это было самое отвратительное. На каждой поверхности, в каждом углу, везде, куда можно было дотянуться взглядом, мир напоминал мне *о нем*.

Не шучу: в коридорах академии отовсюду на меня смотрел напущенный индюк - Данте. Нет, это не мания преследования. Просто его наглая рожа мелькала на каждом плакате

и транспаранте. Он и какая-то девушка, в форме академии, слащаво и жизнеутверждающе улыбались. Очевидно, чтобы студенты велись на их счастливые и просветленные знаниями лица и толпами подавали заявки на вступление. Спорю на колеса байка, на сайте «Платины» он тоже примелькался.

Данте Дезмонд смотрел на меня с портрета лучшего ученика, рекламного транспаранта, его именем были исписаны парты и стены, его фотки приклеивали к обратной стороне дверцы шкафчика... Я с суеверным ужасом открывала свой шкаф, на мгновение мне показалось, что эта смазливая рожа шла в комплекте к учебникам, и в моем он тоже появится. Надпись «Данте» в пошлом сердечке я обнаружила даже на дверце женского туалета. Кто-то постарался, и вырезал её на дереве. Что сказать? Там ему хотя бы самое место.

В какой-то момент, еще перед встречей с зам.декана, я не выдержала, и остановила проходящих мимо девушек:

-Прости, а это кто? - Ткнула я пальцем в стенд. - Он повсюду.

-Это же Данте. - Закатила она глаза с таким видом, как будто представила мне Фредди Меркьюри, которого я, дура, не узнала.

-И чем он так известен? - Терпеливо поинтересовалась я.

-Например, тем, что может зайти в супермаркет за пачкой сигарет, а выйти с новой девушкой. - Хихикнула ее подруга, с интересом разглядывая меня и мои татуировки, выглядывающие из-за отворотов пиджака.

-У него фан-клуб больше, чем у Райана Гослинга*. - Поддакнула первая.

Эх, бедный Райан. Снимается в кино, играет на пианино, песни поет... А живет тут мелкий парень и тот круче, чем он. Жизнь несправедлива.

-И как он заслужил такую популярность? - Как можно равнодушнее поинтересовалась я. - Спасает котят с деревьев?

Про себя добавила, что без жертвоприношений и чёрной магии дело тут не обошлось. Не мог же он всерьёз покорить всю академию? С таким-то характером?! Нет. Массовый гипноз, не иначе.

-Ну, а почему нет? Он красивый, с отличным чувством юмора. Богатый, стильный. Лучший ученик и капитан команды по фехтованию. Он даже тренирует новеньких.

-А как он отдаёт команды на французском языке! - Мурчит вторая, закатывая глаза в каком-то непонятном мне наслаждении.

-Его мама - известная модель и дизайнер, и сам Данте иногда работает моделью. - Деловито доносит до меня ее подруга. - Недавно вышел журнал с ним на обложке.

-А он это все сделал до или после того, как прошёлся по воде и превратил воду в вино? Ой, простите, не та история. Я думала, мы тут святых обсуждаем. - Я открыто улыбнулась, но моя доброта на девушек не произвела должного впечатления.

Они переглянулись и поспешили ретироваться, едва ли не

покрутив пальцем у виска. И это лишь один инцидент!

Помимо этого, начало обучения назвать «радужным» тоже не получалось. Не прошло и лекции, а я, напоминая, уже стала гордым обладателем листочка для «класса наказаний». Как сказал мне директор и тот, второй идиот, которому не понравились мои штаны, они здесь учат дисциплине и тому, что «правила для всех». И теперь я должна отсидеть в аудитории два часа после занятий. Нет, правда что ли? Им кто-нибудь сказал, что такая практика обычно работает до класса эдак девятого? Они бы еще отправили меня мусор с пакетиком собирать.

А теперь я, провозившись в секретариате, опаздывала на какое-то помпезное мероприятие в честь начала семестра. Там нас должны были наставить на путь истинный и пожелать удачи во всех начинаниях. Ну как такое пропустить?

Накручивая себя все больше с каждым шагом, я толкнула вперёд массивную дверь в главный зал и... Ничего. Треклятая дверь не поддавалась. То ли надо налегать на геркулесову кашу, то ли она заперта. Я приложила ухо к гладкой поверхности и услышала слегка заглушенную речь:

-Каждого из вас... - Что-то там... - А теперь... - Ага, почти слышно. - Лучшего ученика...

Затем еще что-то и взрыв аплодисментов. Ну, по крайней мере, я не ошиблась местом. Я устало оперлась лбом на двери, размышляя, есть ли смысл рваться туда? Но мои философские размышления прервали самым бесцеремонным об-

разом.

-Твою ж мать... - Ошеломлённо проговорила, нет, проорала я, напрочь забыв про фильтр для речи, когда дверь распахнулась, и я, не справившись с силой притяжения, рухнула на пол. Прямо в центр огромного прохода между рядами кресел, упиравшегося в сцену.

Все лица в огромном и роскошном зале как по команде обернулись ко мне. Это напомнило мне старый фильм про деревню Мидвич* и её детей, который в свободное от уроков время ходили парами, вот так же синхронно оборачивались и убивали местных жителей.

Ну что ж... Акустика у них тут отменная! Слышно каждое слово даже без микрофона. Не удивительно, что я стала эпицентром внимания. Опять. Мне бы сейчас еще гитару, я бы нашла, чем их удивить.

Я быстро встала, и тут осознала, что прервала чью-то речь. Посмотрев на сцену, чтобы понять, у кого украла минуту славы, я увидела... Ох. Ну, конечно же.

Дезмонд. И почему я не удивлена? Тот стоял за трибуной, как дедушка Ленин, только вот обращался он не к «товарищам», а ко мне лично:

-Как неловко. Молодой человек, вы не ушиблись? - Участливо спросил Данте со своего места, явно желая привлечь к моему эффектному появлению как можно больше внимания.

Затем парень сделал вид, что услышал чью-то реплику из

зала. Парень растерянно нахмурился и, выгляды крайне раздосадовано, вновь проговорил в микрофон, опираясь руками на борта трибуны:

-Простите, *девушка*! Не хотел вас обидеть.- Он смерил меня уничижительным взглядом, который говорил об обратном.

На его лице появилась такая снисходительная усмешка, что мне захотелось ее сорвать вместе с губами. Медленно отряхнув брюки, я с елеинной улыбочкой и даже по-царски махнула рукой в сторону Данте. Даже отсюда я видела, как прищурились его глаза в подозрительном выражении.

-Простите-простите! Не отвлекайтесь! - Я в упор посмотрела на оратора. - Данте, и ты не прерывайся... Как там ты хотел сказать? «Это очень важный год для всех нас, бла-бла-бла... Мы всех нагнём, гранит прогрызём...» Ой, нет, это же была твоя речь для каминг-аут*, да? Я такая глупая, испортила весь сюрприз!

Папа всегда говорил, что меня погубит мой язык и полное отсутствие инстинкта самосохранения. Что ж, отец всегда прав.

Я прикрыла рот ладонью в притворном испуге. Получилось так себе, но ни всем быть такими актерами, как он:

-Я такая глупая. Но и ты сам виноват, слишком громко репетировал речь утром в ванной. - Волна шепота, накрывшая зал - переживу. Лицо Данте - бесценно.

Я перестала смотреть на брата и оглянулась вокруг:

-Что ж, у вас тут очень здорово, но мне, пожалуй, пора. Моя миссия на этом выполнена. - «Козырнув» рукой, я по-военному повернулась кругом и вышла за дверь.

Один урок на сегодня я вынесла: если дверь заперта, не стоит в нее ломиться.

Никогда не отличалась умением читать по лицам, но чтобы понять, о чем думает Данте, идущий прямо на меня по коридору, со скоростью экспресса, не надо быть физиогномистом.

«Я убью тебя» - эта мысль чётко прослеживалась везде. В яростном взгляде. В сжатых губах. Морщине между бровей. Пожалуй, ещё там же, на его челе, была написана дюжина-другая непечатных ругательств, но общая картина оставалась неизменной.

Пока я, вместо того, чтобы убежать с материка и скрыться в России-матушке (где-нибудь в Сибири, куда этот мажор точно не сунется), он уже приблизился ко мне вплотную. И говоря «вплотную», я имею в виду именно это.

Дезмонд с силой хлопнул дверцей моего шкафчика, заставив меня поморщиться. Схватив за плечо, он прижал меня спиной к соседней дверце. Я дёрнула плечом, но он лишь сильнее сжал в кулаке ткань форменного пиджака.

-О чем ты, мать твою, думала?! - Прорычал он прямо в мое лицо, нависая сверху.

-Когда именно? - Включила я режим «дурочка с переулоч-

ка». - Тебе все мысли с самого утра описать? Ну, значит, когда я проснулась, то подумала: «черт, я все еще здесь!»...

Меня тряхнули за то же многострадальное плечо, тонко намекая, чтобы я заткнулась. Я же начинала закипать.

-Я тебе чётко сказал: никто не должен знать, что мы знакомы. Ты настолько непроходимо тупа, что не смогла этого запомнить?

Я еще раз дернулась, наконец вырываясь из цепких пальцев местной примадонны:

-Во-первых, я не сказала: «привет, народ, я знакома с этим павлином». Ты этого не услышал? Должно быть, поймал какую-то отражающую поверхность и засмотрелся на свой превосходный анфас?

Брюнет хотел что-то сказать, но я схватила его за лацканы пиджака, заставляя наклониться ниже и сама привстав на цыпочки, чтобы максимально ликвидировать разницу роста. Настало мое время доминировать:

-И во-вторых, я не подчиняюсь приказам. - Прошипела я, смотря прямо ему в глаза. Одарив его самой приторной из своего набора улыбок, я добавила, медленно и с расстановкой: - И, знаешь, мне совершенно плевать если кто-то из этих мажоров узнает, что у тебя появилась сестричка. Это ты из нас двоих трясешься над своей псевдорепутацией. Так что прояви уважение, пока я не стала развешивать на стенах твои детские фото и продавать нижнее белье.

Он фыркнул:

-Ты не посмеешь.

Я вскинула бровь:

-Хочешь проверить?

Он не хотел.

Мы так и стояли в пустом коридоре, сверля друг друга взглядами. Как будто играли в детскую игру «кто кого пересмотрит». И никто не хотел первым отводить взгляд.

Вдруг ситуация будто поменялась. Точнее, я увидела её со стороны. Мы стояли рядом. Невероятно рядом.

Я видела каждую ресницу, из веера, обрамлявшего глаза парня. Я могла рассмотреть все оттенки карего и зеленого, собравшиеся в его радужке. Они и правда были как палитра художника, вздумавшего нарисовать множество крон осенних деревьев: от все еще зеленых, не желающих уступать сезону, до темно-коричневых. Я могла рассмотреть даже линии на его губах. Я видела, что и он рассматривает меня. И выражение его лица было совершенно непонятно.

Казалось, одно неверное движение и наши лица соприкоснутся. Носы, или губы... От этой мысли голова чуть ли не закружилась. Я нервно облизнула нижнюю губу, понимая, что во рту пересохло. Данте поймал взглядом мое движение и прищурился. Тень от длинных пушистых ресниц сильнее легла на щеки.

Он на мгновение приоткрыл рот, будто намереваясь что-то сказать, но затем лишь сглотнул, передумав.

Тишина, царившая в стенах академии, была по ушам и заставлялась слышать другие звуки. То, как быстрее забилося мое сердце. От этой перепалки, верно же?

Или то, как дышит рассерженный парень. Его грудная клетка вздымалась в такт этому еле уловимому звуку. Звуку, который я бы не распознала, не будь он так чертовски близко. Близко настолько, что складки на его пиджаке, который я все ещё сжимала руками, дотрагивались до моей груди.

Я резко разжала кулаки и нарушила молчание:

- Не хочешь отодвинуться? - Буркнула я, чуть отворачиваясь и упираясь взглядом в автомат с шоколадками в конце коридора.

Данте ответил не сразу. Пару томительных секунд я все ещё слишком остро осознавала, что его рука лежит на моем плече и обжигает даже сквозь несколько слоёв ткани.

- А что, тебе страшно? - Голос прозвучал как-то глухо. Это шумит у меня в ушах или он правда стал ниже?

- Видеть твое лицо так близко? - Демонстративно поморщилась я. - Если честно, есть немного. Но больше всего я боюсь, что когда толпа твои поклонниц хлынет из зала и увидит, как отчаянно ты ко мне жмёшься, меня линчуют. Не хочу сражаться одна против армии бешеных девиц, вооружённых пилочками для ногтей.

Тихий смех оказался для меня полной неожиданностью и буквально застал врасплох. За эти несколько дней я не видела, чтобы этот мажор смеялся. Нет, он, правда, псих. И,

похоже, это передается воздушно-капельным, и я сама стала дуреть.

Потому что... Вау. У меня мороз по коже. Или это мурашки вышли на пробежку? Нет, определённо мороз. Но его смех... Его хочется записать на компакт-диск, чтобы ставить на повтор. Как жаль, что *такой* смех принадлежит *такому* человеку. Это нечестно.

-Что ж, Бэби-бэмби... На первый раз я тебя прощаю. - Я развернулась, чтобы то ли испепелить его взглядом, то ли плюнуть в лицо.

И как он меня назвал? Бэмби? Это оленем, что ли? Но моя самоуверенность стала трещать по швам, стоило мне вновь встретить его пристальный взгляд.

Шоколадно-ореховые глаза смотрели прямо мои, завлекая и будто заставляя не отводить взгляд. Здесь был и вызов, и угроза, и надменность... Все в одном лишь взгляде.

-Но если ты ошибешься еще хоть один раз... - Парень провел подушечками пальцев, оказавшихся ледяными, по моей скуле. Я дернула головой, не давая ему растянуть прикосновение. Он наклонился на какие-то пару сантиметров ближе, и шепот буквально обжег дыханием место прикосновения: - Я сделаю из тебя изгоя, раз ты об этом мечтаешь.

**Лига плюща - ассоциация восьми частных американских университетов.*

**Райан Гослинг - канадский актёр (Дневник памяти, Лала-ленд, Бегущий по лезвию и пр.) и музыкант.*

**Имеется в виду фильм 1995 года "Деревня проклятых", снятый по книге Джона Уиндема «Кукушки Мидвича». Есть более ранняя экранизация - 1960 года. В центре картины - странные дети, приносящие несчастья и смерти.*

**Хлопья "Лаки Чармс" (Lucky Charms) - глазированные хлопья, смешанные с маршмеллоу, которые имеют разную форму и свое значение. Зефирные звезды учат лета*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.